

В.В.Ивлев

В ГОРОДЕ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

В. В. Ивлев

В городе белых ночей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69848332

SelfPub; 2024

Аннотация

Вадим Ивлев, выпускник Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета, геоэколог и путешественник, предлагает читателям свои воспоминания о жизни в Ленинграде в 1972-1982 годах. Книга приурочена к 300-летию основания Санкт-Петербургского университета. Текст книги публикуется в авторской редакции, с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	25
Глава третья	30
Глава четвёртая	36
Глава пятая	56
Глава шестая	73
Глава седьмая	93
Глава восьмая	99
Глава 9	104
Глава 10	118
Глава 11	122
Послесловие	137

В. Ивлев

В городе белых ночей

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!
А.С.Пушкин.*

Глава первая

В город-герой Ленинград я прилетел ночью, в июне 1972-го года, в день 300-летия со дня рождения Петра Первого. Это было моё первое дальнее путешествие. Двухчасовой перелёт из Уфы, на самолёте ИЛ-62, был выполнен безукоризненно.

Светлое здание аэропорта, постройки 1951 года, в стиле неоклассицизма, по нынешним меркам выглядело более чем скромным, маленьким.

При себе я имел фибровый чемоданчик с самыми необходимыми вещами и деньги на кармане, рублей 40-50. Было

мне 16 лет.

Стояла лучшая ленинградская пора «белых ночей», тёплых, тихих, сухих, пора цветения сирени и прогулок по ночному городу. Июль 1972 года оставался самым тёплым за всю историю наблюдений в Ленинграде-Санкт-Петербурге вплоть до 2010 года, но жарким не был, скорее необычно сухим.

Переночевав на квартире какой-то маминой знакомой, с утра пораньше я отправился в «Политех» (Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина, нынешнее название: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого») и подал документы для поступления.

Процедура оформления в абитуриенты прошла быстро и легко, без всякой волокиты и формалистики. Мне, как и всем прочим нуждающимся, предоставили койко-место в общежитии студгородка.

Ленинград мне сразу, на всю жизнь, понравился. Это был мой город, в нём я чувствовал себя как дома. Какого-либо эмоционального потрясения или растерянности я не испытывал, город был именно таким, каким я его представлял по описаниям Пушкина и других классиков, каким я его ожидал увидеть.

Для меня Ленинград был ещё Изумрудным городом, к которому я шёл все 16 лет моей тогдашней жизни, городом,

где должны были исполниться все мои юношеские желания. Какого-то ошеломляющего цивилизационного разрыва между моим родным Стерлитамаком и Ленинградом я не чувствовал и ничем, на общем фоне, от моих ровесников-ленинградцев не отличался, разве что одеждой, ибо одет я был бедно, по скромным возможностям моей мамы, работавшей медсестрой и, после гибели отца, растившей нас с братом в одиночку. Одежда, или "прикид", для студентов Ленинграда в те годы была не так важна, как нынешним.

Некоторые, важные для меня различия, конечно, были. Например, в Ленинграде люди не практиковали громкий разговор между двумя собеседниками, один из которых находился у передней двери автобуса, а второй – у задней. Ещё, в Ленинграде не лужгали семечки в общественных местах со всеми вытекающими последствиями. В отличие от Стерлитамака, в Ленинграде не наблюдались "химики" и прочие расконвоированные уголовники, все ранее судимые граждане не проживали на "101-м километре" от города.

Ленинград 1972 года был безопасным городом, общественный порядок в его пределах поддерживался неукоснительно. Для более молодых читателей напомним, что сотрудники милиции в СССР, в 1972 году, при выполнении повседневных заданий оружия при себе не имели, а резиновых дубинок не было и в помине. Конечно, скрытные, подпольные пороки – наркомания, проституция, извращения и домашнее насилие существовали, но открыто не проявлялись.

При себе я всегда имел паспорт, такой был порядок в те годы, милиция в любой момент могла остановить, проверить документы.

В 1972-м Ленинград был городом, где всё было устроено для удовлетворения насущных нужд пролетариата, тогдашнего «гегемона» общества, по его вкусам, как это понимали партийные функционеры, которые хорошо помнили причины и поводы Русской революции.

Никакой наружной рекламы не наблюдалось, равно как и мелкой торговли, разве что пирожками, мороженым и напитками. На улицах – никаких праздношатающихся, нищих, попрошак или, упаси Боже, проституток, никто не рылся в мусорных баках.

Наглядная агитация была представлена в полный рост: красные флаги, транспаранты, плакаты, портреты официальных лиц попадались повсюду в изобилии, в том числе, подозреваю, чтобы скрыть дефекты осыпающейся лепнины, трещины, грязь и копоть на фасадах.

Весьма заметны были в центре города гопники и приближающиеся к ним, большие любители "бормотухи", сиречь самого дешёвого вина, подвыпившие и в стельку пьяные, в том числе валяющиеся на улицах (их оперативно подбирала милиция и увозила в вытрезвители). Рюмочные и закусочные встречались повсеместно, за пределами центральных улиц. Многочисленные пивные ларьки выполняли роль своеобразных мини-клубов на открытом воздухе. Обслужи-

вание уважительное, пиво по желанию клиента зимой подогревалось, наполненные из крана кружки отстаивались, чтобы осела пена. Крепость напитка можно было усилить, долив в кружку водочки из "чекушки". Гегемону ларьки очень нравились. Закуску – колбасу, ветчину, сыр, по желанию покупателя в магазине нарезали максимально тонко. Хлеб нарезать или преломлять приходилось самим. Все напитки и продукты были самого высокого качества, в наши дни недосягаемого.

Двери музеев в Ленинграде были широко открыты для публики. Никаких очередей. Входные билеты стоили какие-то смешные копейки. В будние дни, когда я посещал музеи, Эрмитаж был практически пустой.

Из иностранных гостей в историческом центре попадались вечно пьяные финны, а вокруг вузов – северо-вьетнамцы, которых легко было отличить по детскому сложению и одинаковой одежде фабрики "Большевичка".

Из числа братских народов преобладали грузины. В отличие от Москвы, русское население Ленинграда составляло тогда не менее 90%.

Несмотря ни на что, Ленинград несомненно оставался градом святого Петра, "полночных стран красой и дивом". Это было очевидно и заметно на каждом шагу, и коренные жители ласково именовали свой город "Питером". Основываясь на своём жизненном опыте, склоняюсь к тому, что феномен личности Петра Первого и масштабы её влияния на

великороссов как суперэтнота до конца не изучены и не осознаны. Ясно одно: они огромны и влияние это продолжится по сей день.

В 1972 году умные люди понимали, что Санкт-Петербург не исчез, не канул в Лету безвозвратно. Он продолжал существовать и определять повседневную жизнь ленинградцев. Это достоинство Ленинграда делало его городом не только чрезвычайно интересным и привлекательным, но и уникальным, загадочным, единственным в своём роде городом в России, находящимся под небесным покровительством с первого дня своего существования.

Санкт-Петербург это материальное воплощение великой, во многом загадочной идеи, значение которой способны вместить далеко не все, включая большинство современных архитекторов, историков и политиков. Город был заложен на островах дельты Невы по плану, начертанному единолично самим царём, его основополагающая идея неподвластна людям и продолжает направлять развитие города уже 320 лет. Благодаря хорошей сохранности исторического центра и русским классикам литературы, после революции воспоминание об императорском Петербурге формировало единый, никогда не прерывавшийся временной поток, переходящий в современность и строящий будущее. Все мы убедились в реальности и действительности этого процесса, когда Ленинград снова стал Санкт-Петербургом в 1991 году, а в 2016-м на своё законное место, вслед за триколором, вернулся и

имперский двуглавый орёл.

Как доблестный воин, вышедший из ада жестокого сражения, потрёпанный и измученный, Ленинград после революции сохранял свой неповторимый облик, совершенство архитектурных ансамблей, величие гранитных набережных, захватывающих дух перспектив, историю побед и расцвета великой России в камне. Знаменитые на весь мир художественные символы города на Неве: Зимний дворец, Исаакиевский собор, Медный всадник, Адмиралтейство, Ростральные колонны, Гранитные атланты, Александрийский столп оставались непревзойдёнными, ничего подобного при советской власти так и не было воздвигнуто, ибо всё по-настоящему великое и прекрасное может быть создано только великой империей.

Река Нева, мощная и загадочная, невероятно глубокая и всегда, в любое время года, полноводная, была главной артерией северной столицы, она оживляла гранитные набережные и стальные мосты. В Неве купались, у стен Петропавловской крепости летом располагался полуофициальный городской пляж.

В 1972-м, на 55-м году Русской революции, в Ленинграде сложилась весьма интересная ситуация: вождь мирового пролетариата В. И. Ленин и император всероссийский Пётр Первый разделяли примерно поровну симпатии и уважение горожан, и партийные бонзы ничего с этим поделать не могли. Против диалектики не попрёшь. Закон единства и борь-

бы противоположностей – один из универсальных законов диалектики и проявляет своё действие в природе, обществе и мышлении.

Пётр Первый основал Санкт-Петербург с одной единственной целью: "Ногою твёрдой стать при море". Название (первоначально в форме Санкт-Питер-Бурх, на нидерландском Sankt Pieter Burch – крепость Святого Петра) дано в честь небесного покровителя царя Петра Первого. В 1703 году исполнилась заветная мечта всех русских царей до Петра Первого – в устье Невы сошлись все главные торговые пути древней Руси, русские товары получили свободный доступ на богатый европейский рынок, что было событием всемирного значения.

В 1972 году все эти древнейшие маршруты, связывавшие восток и юг Евразии с её Севером и Западом, владели жалкое существование или совсем захирели. Ленинград утратил своё значение как глобальный торговый узел.

Две самые сильные и самые масштабные личности в российской истории – Пётр Первый и Ленин оставили после себя идеи, направления, прецеденты, мифологию, яркие воспоминания и тайны. Всё это на берегах Невы, в гуще народных масс причудливо переплелось и своеобразно синтезировалось.

Дух петровской эпохи, настроения, мечты, жажда перемен в общественной жизни отчётливо проявились у поколения "семидесятников". Не случайно рок-группа "Аквариум"

появилась летом 1972 года в Ленинграде, как коллектив, который на русском языке пел песни, которые не соответствовали официальным критериям того, какая должна была быть песня. Вот свидетельство лидера "Аквариума" Бориса Гребенщикова:

"Один замечательный писатель точно определил, что живое отличается от неживого тем, что только живое способно плыть против течения.

Я вырос в Петербурге 1960 – 1970-х годов. Именно в Петербурге, а не в Ленинграде. Называя город, в котором мы жили, «Петербургом», мы как бы проводили черту между пошлостью официальной культуры и нашей собственной жизнью. Мы плыли против течения, потому что иначе выжить было невозможно.

И вот культура Петербурга времён моей юности была, с моей точки зрения, фантастической Вселенной; мы, конечно, были заперты на этой территории – весь остальной мир был нам практически недоступен, но человеческую культуру отнять у нас никто не мог. Поэтому мы существовали в мире Упанишад, Лао-Цзы, Данте, Бунюэля, Достоевского, Аполлинера, старинной музыки, джаза, рок-н-ролла; мы принимали все, что было сделано человечеством, за естественную среду обитания, и это задавало высочайший уровень ответственности – которому, понятно, соответствовать мы никак не могли, потому что ничего не умели. Но как бы имелось в виду, что вот мы тут чуть-чуть порабо-

таем и достигнем этого уровня, а пока что – посмотрите, вот как мы развлекаемся.

Но в глубине души было абсолютно ясное ощущение, что есть настоящее, и мы знаем – где оно. И знаете, в итоге оказалось, что это ощущение было совершенно верным."

Трёхсотлетнее прошлое Санкт-Петербурга не было опосредованным влиянием, основанным на размытых воспоминаниях, оно прорастало живыми, видимыми ростками Будущего. Так на месте лесной гари, из зарослей бурьяна поднимается молодой подрост, казалось бы, навсегда уничтоженного леса.

Ленинград того времени имел сюрреалистический образ советского, социалистического города, в котором отчётливо проступали черты былого, имперского Санкт-Петербурга. Знаменитые памятники Петру Первому, Екатерине Второй, Николаю Первому, Александру Третьему стояли нетронутыми. Останки императоров и императриц по-прежнему лежали в царской усыпальнице, в Петропавловском соборе, хотя и попранные, и ограбленные в 1926 году. Как бы случайно Ленинградом управлял первый секретарь ленинградского обкома КПСС по фамилии Романов. На чердаке Казанского собора, где тогда помещался музей истории религии и атеизма, мирно почивали мощи св. преподобного Серафима Саровского, а в экспозиции музея – мощи св. бл. кн. Александра Невского. В подвале бывшего Свято-Иоанновского женского монастыря на Карповке, отданного под ме-

лиоративный техникум, сохранялись нетронутые мощи св. прав. Иоанна Кронштадтского, а на Смоленском кладбище – гробница небесной покровительницы Санкт-Петербурга, св. бл. Ксении Петербургской. Их коммунисты не уничтожили, не хватило духу. По сей день они остаются главными православными святынями города на Неве

* * *

10 августа 1987 года года, после торжественного освящения часовни, гробница Ксении Петербургской, столь любимой петербуржцами Христа ради юродивой, стала вновь доступна для поклонения. Именно тогда началось духовное восстановление града святого Петра. Ленинград стал первым городом в СССР, где решились вернуть закрытые, поруганные храмы верующим, и это не было случайностью.

* * *

В середине 1980-х начали ремонт фасадов в пределах центральной части Петербурга, к югу от Исаакиевской площади. Эта часть города чудом сохранилась с дореволюционных времён, без новостроя. Со стен домов сняли все вывески и транспаранты советского периода. В большинстве случаев под ними открылись старые ещё царские вывески и надписи на стенах. Это было незабываемое ощущение – полное погружение в атмосферу Петербурга Достоевского!

* * *

Отправная точка, откуда начинался Санкт-Петербург –

Петропавловская крепость – стояла незыблемо. Святые апостолы Пётр и Павел крепко молили Бога и всё, заложенное и построенное Петром Первым, в Ленинграде сохранялось. Бесы, узурпировавшие власть (не путать с рядовыми революционерами, со старой гвардией, которая вся погибла в гражданскую и в результате чисток) имели своей целью полностью избавиться от имперского наследия города. Первым делом они планировали, по примеру своих учителей-французов, снести Петропавловскую крепость. Это была самая страшная атака на Санкт-Петербург с момента его заложения, ибо с Петропавловской крепости город начинался, она была его *axis mundi*. "Рукою крепкою и мышцею высокою" Господь Бог остановил безумцев. Точно также провалились многочисленные попытки уничтожения исторической застройки центра Ленинграда, в том числе инициированные главным ненавистником русского мира, буйнопомешанным человеком по имени Адольф Гитлер, который намеревался затопить всю территорию города. Человек предполагает, а Бог располагает. В Москве бесы действовали более уверенно.

Становой хребет Ленинграда – Невский проспект начинается от стен Александро-Невской лавры, которая полностью никогда не закрывалась, в конце выходит к Дворцовому мосту, с изумительной панорамой невских берегов с Петропавловским собором на противоположном берегу в её центре. Сохранение этих святынь и их исторических названий в "ко-

лыбели революции" – это настоящее, великое чудо.

Ленинград-Санкт-Петербург всегда был самым европейским из всех русских городов, в то же время на все сто процентов русским, имперским городом. Заложенный на краю русской ойкумены, на отвоёванных у Швеции землях, заселённых чухонцами, он приобрёл выдающееся, сакральное значение для формирования великорусского суперэтнуса. Четыре исторические фигуры: Пётр Первый, Екатерина Вторая, Пушкин и Достоевский, великие деяния которых определили великорусскую идею, мировоззрение и народный характер, действовали и творили именно в нём.

Ленин со товарищи были интернационалистами-максималистами, их целью было формирование не только государства нового типа, но и нового народа-интернационалиста. Пётр Первый посвятил свою жизнь строительству Великой России, а Ленин – борьбе за утопию "светлого коммунистического будущего всего человечества".

* * *

Имя городу и человеку даётся свыше, имеет тайное, вечное значение, устанавливает духовные границы развития. Попытки недалёких, самонадеянных людей выдумать своё, приземлённое имя или в политических целях изменить исконное, всегда заканчиваются не самым лучшим образом. Поэт Есенин в 1924 году, в пьяном виде, говорят, подал правительству прошение о том, чтобы все сочинения А.С. Пушкина подписывались его именем, основанием чего указывал

на переименование Петрограда в Ленинград. Время было воистину сумасшедшее, окаянное.

Имя Санкт-Петербурга в совершенстве раскрыло логос этого не имеющего аналогов в мировой истории града, увенчавшего грандиозное здание великой России. Безумная попытка изменить его закончилась крахом всероссийского масштаба в 1991 году.

Я всегда ясно осознавал, что родился русским и переделяться в "европейца" не имел ни малейшего желания. Велikorусскую цивилизацию невозможно втиснуть в узкие, окостеневшие западноевропейские рамки. Некоторые петровские и екатерининские потуги в этом направлении выглядели смешно, например превратить Васильевский остров в кусочек Голландии, выкопав на месте улиц каналы, или взять готовые шведские законы и перенести их в Россию без изменений. Реформаторы мелкого пошиба, образца 1990-х, выглядели ещё смешнее.

* * *

Поначалу в Ленинграде 1972 года многое для меня было непривычно.

Первое – это вкус ленинградской воды. В Стерлитамаке мы всегда в больших количествах пили сырую воду, часто прямо с водоразборной колонки, она была необыкновенно вкусная и абсолютно чистая. Ленинградскую воду пить было невозможно, вкус у неё был как у дистиллированной воды, да ещё с привкусом железа.

Второе – это ленинградский квас, который продавался из бочек. В Стерлитамаке мы пили классический русский кислый квас янтарного цвета, который хорош для окрошки. В Питере квас был чёрный и сладкий, вкуснее стерлитамакского. Пиво, мороженое, булки имели вкус, отличный от стерлитамакских аналогов, которые соответствовали русской традиции сохранения вкуса натуральных продуктов.

Белые ночи меня очаровали на всю жизнь. До этого я никогда не гулял ночи напролёт в таком приподнятом настроении. В Ленинграде это доставляло особую радость, спать не хотелось, город был такой необычный, призрачный, безлюдный, тихий и загадочный, по-особенному доверительно-близкий.

Великолепное, сказочно красивое ленинградское метро, открывшееся в год моего рождения, усиливало общее впечатление комфорта, безопасности и удобства передвижения по городу в любое время суток. Метро работало до 2-х ночи и открывалось, насколько я помню, в 5 утра.

На время вступительных экзаменов я жил в студгородке на Лесном проспекте, 65, по тем временам весьма продвинутом. Он и поныне там, функционирует по-прежнему. Утренний буфет в просторном зале был шикарным. Самообслуживание, никто не стоит над душой. Прекрасный выбор: горячие сосиски, сыр, сметана, булочки, пирожные, кофе. Стоило это сущие копейки. Замечу, что о деньгах в то время я никогда не заботился, мелочь в кармане была моим капиталом,

казалось, что она никогда не иссякала, мои скромные потребности покрывались легко. Ни одного дня я не чувствовал себя голодным или лишённым чего-то жизненно необходимого. К еде я всегда был неприхотлив, на обед мог довольствоваться тарелкой гарнира, например гречневой кашей, цена – 5 копеек. Салат из капусты стоил те же 5 копеек, хлеб-чай набирали бесплатно. Проезд на трамвае стоил 3 копейки, в метро – 5 копеек. Поллитровая кружка кваса – 6 копеек, пива – 22 копейки. И так далее. Так что один рубль тогда были хорошие деньги, на день более чем достаточно.

Никаких банковских карточек в те времена не существовало и счёта в банке (точнее в сберкассе) у меня не было, даже бумажника и тривиального кошелька не было. Деньги для меня были средством обеспечения жизнедеятельности, но не самостоятельной ценностью. Я никогда их не копил, не пересчитывал и ни у кого не занимал. Всё, что мне действительно было нужно, имелось в достатке, я никому не завидовал.

Студгородок располагался на Выборгской стороне, рядом с ж. д. станцией Кушелевка. Рабочие кварталы. Ближайшей и конечной станцией метро тогда была «Площадь Ленина», до которой добирались трамваем. Финляндский вокзал все называли «Финбан». Его постепенно реконструировали, начиная с 1960 года. Западное крыло с оригинальной архитектурой в 1972-м ещё сохранялось в прежнем виде. Случалось, среди ночи на нас находил волчий аппетит. Тогда мы

запрыгивали в ночной трамвай и ехали на «Финбан» перекусить. Вокзальный буфет работал круглосуточно. Очень вкусные, горячие пирожки, чай. Там я впервые в жизни увидел бомжей, которые тёрлись в буфете и терпеливо ждали, когда кто-нибудь оставит недоеденный пирожок и недопитый чай, этим они питались.

Подавляющее большинство старых зданий Ленинграда выглядели мрачновато: серые, закопчённые, с давно не отремонтированными фасадами и ржавыми крышами, ещё со времён ленинградской блокады, а некоторые и с царских времён. (Сплошной косметический ремонт фасадов целых улиц начался только с 1975 года, с Невского проспекта).

В те годы соперничество Москвы с Ленинградом проходило довольно остро. Москва явно проигрывала по культурным позициям и общему эстетическому впечатлению и жутко завидовала Ленинграду. Огромные деньги уходили на развитие и украшение Москвы, Ленинград же финансировали по остаточному принципу, как рядовой областной центр. Дворцовая площадь, например, была неряшливо закатана потрескавшимся асфальтобетоном. Храмы города вид имели печальный, обшарпанный, со срезанными крестами, некогда золотые купола стали серыми, особенно грустно смотрелся купол Исаакиевского собора. Большинство храмов использовались не по назначению. Жилой фонд исторического центра города состоял из жутких коммунальных квартир, нередко до 16 комнат на одну уборную.

Недалеко от студгородка, на Большом Сампсониевском проспекте, находилась кондитерская фабрика, сладкие карамельно-ванильные ароматы из которой разносились по окрестностям. Мне они очень нравились.

В Ленинграде я чувствовал себя хорошо, уютно и в полной безопасности. Жители города общались между собой именно так, как учили меня бабушка и мама: вежливо, достойно, никто не орал и не вёл себя агрессивно, неадекватно, вызывающе, хулиганы не наблюдались, преступность была минимальной, по крайней мере я и мои друзья-знакомые с ней не сталкивались.

Моим любимым местом сразу стала набережная Невы, Дворцовый мост, панорама правого берега, Исаакиевская площадь. Морской воздух освежал и бодрил. Тогда я ещё не знал, что именно здесь, в красивейшем месте северной столицы, мне уготовано учиться и работать долгие последующие годы. Широта и размах ленинградских панорам сулили новые неожиданные встречи, увлекательные приключения и безграничные жизненные перспективы.

Политехнический институт тогда находился на пике своего развития и финансировался щедро. Достаточно сказать, что многие советские космонавты защищались именно в ЛПИ. Белоснежное здание института, классического стиля, окружённое прекрасным парком, не могло не нравиться. Внутри полного света здания – идеальная чистота и порядок, как и подобает ведущему техническому вузу. Дисциплина

была суровая, но без фанатизма.

Поступал я на элитарный физико-математический факультет, на только что открывшуюся, суперсовременную кафедру биофизики. Конкурс был огромный, если не ошибаюсь – 25 человек на место, большую часть абитуриентов представляли выпускники ленинградских школ, в основном привилегированных, с "углублённым изучением". Какой-то большой разницы и превосходства с их стороны в школьной подготовке я не заметил. Советская система образования, наследница имперской системы, в 1972-м была лучшей в мире, в чём я позднее убедился на личном опыте. Именно образования, а не современного "обучения". Современные выпускники школ даже не понимают, в чём тут разница. Главным её достоинством было предоставление равных возможностей всем школярам, независимо от их места проживания, материального достатка их семей и социального положения родителей.

Экзамены я сдал легко, а на сочинении, на котором всегда отсеивали прибрлудных иногородних, выбрал тему, по которой уже отличился на выпускных экзаменах в школе. Написал сочинение в стихах, пушкинским четырехстопным ямбом. Насколько я понял, это был первый подобно-го рода в СССР, по этому поводу была заметка в журнале «Семья и школа». Написал хорошо, без ошибок. Сам ректор института выразил желание посмотреть на меня. Возможно, это мне помогло. Набрал максимально возможное количе-

ство баллов, я прошёл конкурс и был зачислен студентом дневного отделения.

Лето 1972 года было на всей европейской части России небывало жарким и засушливым, в некоторых районах областей центра России не выпало ни капли осадков. Высокоствольные деревья теряли пожелтевшие листья, в воздухе накапливался запах лесных и торфяных пожаров. Нестерпимой жаре в июле-августе предшествовала суровая зима с очень низкими температурами и малым количеством осадков. Такая нехарактерная погода стояла практически по всей Европе с декабря 1971-го по март 1972 года. После этого сильные морозы внезапно сменились ранней и очень теплой весной, что в итоге привело к засухе. Из-за недостаточного снежного покрова зимой реки и озера начали стремительно мелеть. В земле не накопилось достаточного количества влаги, началась засуха, что привело к массовой гибели озимых, в том числе пшеницы, ячменя и овса.

Для Советского Союза засуха стала настоящим бедствием. Были резко увеличены закупки зерна за границей, а в Баку срочно был открыт первый в стране завод по производству кондиционеров. На закупку зерна были потрачены золотовалютные резервы – 486 тонн золота.

Ленинград от засухи почти не пострадал, но уборка урожая в пригородных хозяйствах, безусловно, приобрела особую важность в свете всеобщего неурожая.

Глава вторая

В то время порядок в Ленинграде был таков, что сразу после зачисления новоиспечённые студюозусы отправлялись на месяц на работы в подшефные совхозы. Мы, первокурсники, выехали на Карельский перешеек, в совхоз «Красный сеятель» Всеволожского района, "на картошку", то есть для уборки картофеля.

Жили мы в бревенчатых бараках, мальчики и девочки раздельно. Руководитель отряда выбрал меня в качестве «горниста» по нашему мужскому барaku. За неимением горна, я использовал гитару, на которой максимально громким голосом каждое утро исполнял песню барабанщика «Встань пораньше!»

Публика не роптала. Первое время погода была сносная, но постепенно холодало и дождик накрапывал всё чаще. Одежда у меня была неподходящая, "стрёмная", слишком лёгкая, что могло бы для меня закончиться очень печально, но наша кураторша, старшекурсница Галина, которая мне симпатизировала, выдала мне солдатский бушлат-телогрейку. Это меня спасло. К тому же я сделал для себя открытие: если становилось совсем грустно и ужасно зябко, можно было закурить (до этого я не курил), и наступало состояние эйфории, "кайф" в котором многое можно было вытерпеть. Курили мы болгарскую «Шипку» – короткие, рыхлые сига-

реты без фильтра, самые дешёвые, но табак был настоящий, турецкий.

В те дни со мной произошли два события, которые можно назвать серьёзным испытанием. Оба были связаны с лошадьми.

Первым было испытание на самостоятельность. В отряде существовала должность водовоза. Им назначили Лёшу, парнишку из Биробиджана, который был со мной в приятельских отношениях. По какой-то причине ему нужно было отъехать. На время отсутствия он попросил назначить на его должность меня. Никакого опыта общения с лошадьми у меня не было.

Воду возили в огромной железной бочке, тащила её смиренная кобыла с жеребёнком, который неотступно следовал за матерью. Явившись рано утром на конюшню, я получил от конюха, весьма вредного старикашки, короткий урок как запрягать лошадь в повозку. Угрюмый, пожилой конюх был ингерманландским финном, представителем народа, который с незапамятных времён жил в этих местах, но перед Советско-финской войной 1939-1940 годов поголовно был выселен в Сибирь. Теперь я понимаю, что, скорее всего, он мне, как русскому, не симпатизировал, да и лошадей не любил. У жеребёнка почему-то была пробита голова и даже повязки не было, кобыла-мать, конечно, переживала, постоянно на него оглядывалась.

Второй визит в совхоз «Красный сеятель» я нанёс спустя ровно двадцать лет, уже в новом качестве. И застал всё то же безобразие, особенно меня поразило вид телят, стоящих в телятнике по брюхо в жидком навозе. В этот раз я уже кое-что мог поправить и добился увольнения тогдашнего директора совхоза.

Сделав одну ходку с водой, я привязал лошадь у столовой и пошёл выпить чайку. Вернувшись, к ужасу своему, увидел такую картину: вся упряжь сползла со спины на голову лошади и придавила её до самой земли. Видимо, конюх слабовато всё закрепил, кобыла пыталась пощипать травки и её накрыло. Подскочив к бедному животному, я вмиг её разнуздal и освободил. При этом выяснилось, что под черессдельником у несчастной лошадки были натёрты застарелые глубокие раны.

Так я оказался перед абсолютно свободной, несчастной кобылой с грудой упряжи, которую никогда в жизни не держал в руках. Тем не менее, с Божией помощью, справился, запряг по всем правилам, достаточно быстро. Полагаю, что сыграло роль моё воспитание, именно так папа поручал мне самые сложные хозяйственные задания, отказ и невыполнение под любым предлогом не принимались.

По дороге к пункту назначения с тяжёлой бочкой был довольно крутой спуск, где лошадь корячилась очень осторожно. Если бы упряжь соскочила в тот момент, последствия и

для меня, и для лошадки могли бы быть весьма печальными. Не помню, пожаловался ли я на конюха. В те времена это было не принято. В наши дни наказал бы мерзавца по справедливости.

Второе происшествие оказалось намного более серьёзным и кончилось для меня посещением знаменитой питерской тюрьмы «Кресты».

В одну из ночей в студенческом лагере мы были разбужены криками, шумом и женским визгом. Выглянув из барака, я увидел такую картину: в дверь соседнего, женского барака ломались пьяные парни. Это были местные, которые пришли «знакомиться с девочками». Я и несколько других ребят ринулись на выручку. Увидев нас, хулиганы отбежали от двери и вскочили на коней, на которых прибыли в лагерь. Осмотревшись и осмелев, они увидели, что защитников немного и начали задирать нас и наезжать конями, разворачивая их к нам задом, заставляя коней брыкаться. Очень хорошо запомнил копыто лошади, мелькнувшее в сантиметрах от моего лица. Выскочило нас всего человек десять, но, оглянувшись вокруг, я увидел только нашего руководителя и ещё одного студента. Остальные ретировались в барак. Тогда наш руководитель, молодой мужик, выхватил полено из поленницы и метнул в одного из всадников. Мы с другим студентом последовали его примеру. Атаку удалось отбить.

Утром, понятно, было разбирательство. Вожак хулиганов оказался ранее судимым и его уpekли в «Кресты», куда меня

позже вызвали для опознания, а по возвращению в город я выступил свидетелем на суде. Так я впервые познакомился с системой правосудия в СССР.

Глава третья

Ленинградский политехнический институт в 1970-х годах котиrowался во всём мире достаточно высоко. Он стал для меня прекрасной школой и проверкой моих личных возможностей, дал мощный толчок моему развитию как личности.

Комплекс зданий института был возведён лучшими архитекторами и строителями Петербурга в 1900-1905 годах. Н-образная конфигурация главного здания и его внутренняя планировка, при которой все лекционные аудитории выходят на юго-запад, позволяют максимально использовать естественное освещение. Все корпуса института поражают своим простором, высотой и светом. Сильное впечатление на меня производили огромные, залитые дневным светом коридоры, просторные аудитории. В те годы Политех, несомненно, намного превосходил все остальные вузы Ленинграда по техническим параметрам и оснащённости оборудованием.

Студгородок на Лесном проспекте, (койко-место, 4 человека в комнате), был вполне приличным, спокойным и безопасным. Там была отличная столовая и даже кинотеатр только для студентов. (Кстати, позже мне пришлось ещё раз в нём пожить, в 1983-84-м годах, уже с семьёй. В том же самом корпусе, на том же этаже, но занимали уже четыре комнаты).

Уровень обучения на факультете был высочайшим, требования жёсткие, но я справлялся довольно легко. Выручала хорошая память, особенно зрительная. Перед экзаменом я тщательно и максимально красиво переписывал лекции (если собственных записей не хватало, дополнял из лекций одноклассников и из учебников) в новую тетрадь, используя разноцветные чернила и потом заучивал наизусть, 48 листов мелким, убористым почерком, ряды сложнейших формул и доказательств теорем. Сейчас в это трудно поверить, но на это уходило всего 2-3 дня, точнее суток.

Чертёж какого-нибудь машиностроительного узла на ватмане, который предполагалось чертить месяц, на кульмане, я вычерчивал на кухонном столе за ночь.

Я благодарен Политеху за то, что там меня быстро и на всю жизнь научили умению мыслить организованно, во всём быть точным, пунктуальным, напряжённо работать головой столько, сколько это необходимо, с максимальной нагрузкой.

Стипендии в 40 рублей вполне хватало на все мои нужды, я ни в чём не нуждался и переводов от мамы не получал, ей ещё моего младшего брата поднимать нужно было. Одежда моя была самая простецкая, всё что имел носил на себе. Что-то современное, молодёжное, например простую спортивную куртку или модельные туфли, купить в магазине было невозможно. Все вещи иностранного производства можно было купить только у фарцовщиков, за большие деньги, которых у меня не было.

1972 – 1973-й года проходили под знаком молодёжного бурления по всему миру. Война во Вьетнаме подходила к концу, для СССР к победному. 27-го января 1973-го года американцы с позором проиграли войну во Вьетнаме. Социалистический лагерь побеждал по всем направлениям.

В Политехе училось много вьетнамцев. В силу военных обстоятельств у себя на родине, они не имели требуемой подготовки и были не в состоянии справляться с учебной нагрузкой политеха. К ним относились с пониманием, обращались как с детьми. А студенты, не без помощи рок-музыкантов, симпатизировали простым американским парням, гибнущим во Вьетнаме. Тогда это поощрялось в интересах интернациональной дружбы народов. Помните прекрасную песню в исполнении ленинградской рок-группы «Поющие гитары» под названием «Был один парень, и он, как я, любил и «Битлз» и «Роллинг стоунз»? На нашем факультете студенты-старшекурсники поставили спектакль из жизни американских студентов, меня тоже вовлекли, на заднем плане.

Многие молодые люди в Питере уже ходили в джинсах, с длинными волосами, курили американские сигареты, слушали фирменные "пласты", сиречь пластинки с рок-музыкой. За длинные волосы в Политехе преследовали, могли даже отчислить. Джинсов у меня не было, по причине бедности (они тогда стоили целой студенческой месячной стипендии), но от этого я не страдал.

В стране уже остро чувствовался когнитивный диссонанс

между достигнутым уровнем развития науки и техники и техническим оснащением повседневной жизни людей. Например, нельзя было иметь в личном пользовании пишущие машинки, копировальные аппараты. Интерес к современной технике, к жизни в развитых странах был огромный.

В декабре 1972 года я с близкими друзьями попал на первую в СССР научно-техническую американскую выставку Research and Development USA, которая выставлялась в павильоне на территории гавани. Выставка нам понравилась. Посвящена она была в основном освоению космоса и новейшим разработкам для улучшения жизни людей, вплоть до электрических кофемашин и кухонных комбайнов. В числе прочих экспонатов был закопченный командный модуль Apollo 10, который якобы побывал на орбите Луны в мае 1969 года. Меня поразили его неожиданно маленькие размеры.

На выставке мы заметили, что кое-что, например значки, брошюры, книги и журналы можно брать себе. Никакие предупреждающие надписи по этому поводу не наблюдались, равно как и персонал выставки. Это было для нас ново. Осмотревшись, мы заметили, что некоторые посетители прихватывают и экспонаты посущественнее, типа электрический чайник или кофемашинка. Мы решили не отставать. Не помню, что выбрали мои друзья, мне же приглянулся атлас Луны. Американцы никак не реагировали.

На выходе нас ждали крепкие парни в штатском. Провели

в какое-то помещение, трофеи отобрали, допросили (я объяснил, что атлас мне нужен для изучения английского языка) и пообещали скорую встречу с родными там, откуда мы приехали. На самом деле никаких последствий для нас не наступило.

Первый год моей жизни в Ленинграде был богат на события и приключения. О них расскажу в другой раз.

Политех был хорош во всех отношениях. Но это было не моё. Поступал я на кафедру биофизики, но «био» там и не пахло. Все эти формулы, расчёты, лабораторные со мудрёными приборами, чертежи давались мне легко, но меня не вдохновляли. Мой лучший друг Вова (Мэн), который поступил на машиностроительный факультет, также томился и мечтал стать доктором.

Поддерживая друг друга, мы решили оба уволиться и поступать заново: я в Ленинградский университет, на биологический, а Вова – в Первый медицинский (кстати, он до сих пор работает в больнице хирургом). Так мы и сделали. Решение было непростое, рискованное. В случае непоступления мы автоматом попадали в армию (в Политехе была военная кафедра), а Вова, в случае неудачи, должен был вернуться на Сахалин, где жили его родители.

Руководство моего факультета эту затею не одобрило, уговаривали меня остаться. Мы твёрдо стояли на своём.

Много позже мой сын закончил Политех, который тогда

уже гордо именовался Техническим университетом, а мне в нём довелось почитать лекции по земельным отношениям, на факультете гидрологии.

Глава четвёртая

Для меня двери Ленинградского государственного университета открылись в 1974-м, в год 250-летия этого старейшего в России университета. Божиим промыслом я тогда был помещён в самый центр Санкт-Петербурга-Ленинграда и всей Великой России, где мне предстояло учиться, жить и работать следующие двенадцать лет моей жизни.

Ленинградский государственный университет в те годы представлял из себя феномен, трудно объяснимый и ещё труднее описуемый. Как ни странно, но подробных воспоминаний о студенческой жизни тех лет очень немного, и они носят фрагментарный характер любительских записок. Правдивой, всеобъемлющей истории Петербургского-Ленинградского университета мне найти не удалось. Всё что я обнаружил оказалось довольно скучной, выхолощенной пропагандой, направленной на рекламу университета, из которой все неудобные, политически болезненные моменты убраны. В официальных агитках и рекламных проспектах мой родной университет предстаёт рядовым, ничем не примечательным вузом, отличающимся от других разве что далеко не полным перечнем его знаменитых студентов и преподавателей.

С подобными оценками я категорически не согласен. Петербургский (Ленинградский) университет явление уникальное, и он занимает исключительное место не только в

истории высшего образования, но и во всей новейшей истории России. В этом отношении его просто не с чем сравнивать. Как бриллиант «Кохинур» является абсолютной доминантой в Британской королевской короне, так и Петербургский университет господствует в истории университетского образования России.

Почему Университет мог возникнуть только в Санкт-Петербурге?

Вначале зададимся вопросом: что такое университет? Этот вопрос был впервые рассмотрен в середине 19 века. Джон Генри Ньюман, выдающийся выпускник Оксфордского университета, академик, интеллектуал, философ, энциклопедист, историк, писатель, преподаватель и поэт, сформулировал ответ на него, который я принимаю как наиболее полный и правдивый. Вкратце ответ таков:

Университет подобен огромному терминалу, в котором собраны лучшие, самые талантливые студенты со всех концов земли для изучения всех известных наук. Таковое собрание возможно далеко не в каждом городе, но только в большом, гармонично развитом центре определённой территории. В этом городе всё должно быть наилучшим: товары, обслуживание, работники, сюда должны стремиться самые богатые, самые талантливые и самые честолюбивые индивидуумы. Этот город должен быть центром торговли, искусств, местом соревнования талантов и политиков. В нём должны быть первоклассные музеи, картинные

галереи, архитектура, музыка, певцы и модельеры, он должен быть законодателем мод и генерировать новые идеи развития. Величие университета и единение лучших учёных работают в унисон.

В развитие и жизнь университета вносят свой вклад тысячи разнообразных научно-технических школ. В процессе ничем не ограниченных научных споров и состязаний, свободных от идеологического давления, рождаются самые оригинальные идеи, на основе которых материализуется Будущее.

Университет покоряет молодёжь блеском и славой, зажигает сердца людей среднего возраста красотой и великолепием и привязывает исполненных дней мужей теплотой, осмысленностью и доверительностью общения. Настоящий университет это седалище Мудрости, свет Мiру, храм Знания и *Alma Mater* подрастающим поколениям.

Вот это и есть идея и назначение настоящего университета, этим он отличается от института или училища.

Именно таким видел Санкт-Петербургский университет Пётр Первый, как центр притяжения всех талантливых, любознательных и прогрессивных людей, новаторов, изобретателей, первопроходцев и гениев, не только со всех концов Российской империи, но и из прочих просвещённых стран. Изначально нынешняя Менделеевская линия представляла собой судоходный канал, по которому товары и припасы доставлялись напрямую из морского порта. На Стрелке Васи-

льевского острова планировалась главная площадь города, работала биржа, гостиный двор, а в здании Двенадцати коллегий, на первом этаже, торговая галерея. Всё это усиливало открытость всему новому, готовность к свободному обмену идей, взглядов и плодов цивилизации, радушно принимать лучших людей, независимо от их происхождения и положения. Этот радостный, жизнеутверждающий петровский дух за всю историю Университета никому не удалось вытравить, и я его почувствовал в полной мере.

С современной точки зрения университет есть твердыня науки. Каждый локальный университет входит в глобальную сеть университетов, которая противостоит безумию невежества, дикости и тупого эгоизма, формирует ноосферу Земли.

Никоим образом не претендую на рассказ об ЛГУ в целом и ограничиваюсь моими личными наблюдениями жизни биолого-почвенного факультета и немного геологического, географического и других факультетов, в той лишь мере, как они влияли на мою студенческую жизнь второй половины 1970-х.

Начну с самого очевидного, ибо университетское здание, в котором прошли мои студенческие годы, заслуживает подробного описания, ни один другой вуз в России не может похвастаться таким замечательным достоянием.

Биолого-почвенный факультет ЛГУ располагался и располагается по сей день в историческом Главном здании университета, в котором размещался ректорат и университет-

ская библиотека – в знаменитом здании Двенадцати коллегий. Многочисленные попытки советской власти переселить университет из этого совершенно уникального здания куда подальше успехом не увенчались, и по сей день эта привилегия сохраняется. Несомненно, Санкт-Петербургский университет стоит на своей законной, уготованной именно ему земле, и люди с этим ничего поделать не могут.

Учёные, изучавшие период строительства Санкт-Петербурга, обнаружили, что, вопреки расхожему мнению, дельта Невы не была сплошным болотом. На участке, где выстроили здание Двенадцати коллегий и вокруг него недавно были обнаружены погребенные пахотные почвы. До Петра это были окультуренные земли, пашня, на которой выращивали рожь и овёс. Так место, где произрастали плоды земные, стало местом произрастания деятелей науки российской.

Васильевский остров был очень высоко оценён Петром Первым, именно здесь он планировал выстроить центр Санкт-Петербурга. Одновременно со зданием Двенадцати коллегий был возведён и дворец-резиденция светлейшего князя А. Меншикова, первый настоящий дворец Санкт-Петербурга.

Историческое значение здания Двенадцати коллегий исключительно велико. При Петре Первом оно было центром государственной власти всей Российской империи. На площади перед парадным входом в здание с восточной стороны в первоочередном порядке оглашались и размещались

для чтения указы царя. Все мало-мальски значительные государственные деятели того времени, начиная с самого Петра Первого, регулярно появлялись в этом легендарном здании.

Трёхэтажное Здание Двенадцати коллегий построено в типичном для архитектора Трезини стиле, известном как "петровское барокко". Барокко здесь выдаёт "движение" стен (выступающие ризалиты), криволинейный фронтон. Очевидно, Трезини проектировал фасады под влиянием любимого Петром I североевропейского зодчества, где скромность есть одно из достоинств.

Состоит здание из двенадцати идентичных самостоятельных трёхэтажных секций (каждая с отдельным входом), по секции для каждой коллегии и пристроенной с западной стороны двухэтажной галереи во всю длину строения. Длина каждой секции – 32,36 метра, кроме первой (считая от Большой Невы) длиной 39,48 метра. Общая длина здания составила 398,99 метра. Какого-либо скрытого смысла в этих цифрах, в том числе переведённых в русскую систему мер времён Петра Первого, мне найти не удалось. Каждая часть здания Двенадцати коллегий имела отдельное крыльцо и зал для заседаний, изначально все они имели свою двухскатную крышу. Первый этаж со стороны Коллежской площади (восточная сторона) представлял собой открытую галерею. Он предназначался для устройства торговых лавок. Сквозной Дом здания расположен торцом к Неве, фасад здания обра-

щён на бывшую главную площадь на Васильевском острове – Коллежскую (позже застроенную). В качестве украшений корпусов-секций здания Двенадцати коллегий были использованы выступающие ризалиты, фигурные наличники, лопатки и аттик с лепкой. Раскрашенное в красные и белые цвета здание имеет весьма привлекательный, нарядный вид.

Здание расположено грамотно, вытянуто с севера на юг, с рабочим входом с юга. Фасад смотрит на восток и утром залит лучами солнца, что создаёт особое, приподнятое настроение у зрителей и оптимальную освещенность дневным светом внутри. Микроклимат здания постоянно комфортный, зимой тепло, летом не жарко.

В мою бытность здание Университета было воистину проходным. Парадный вход с фасада использовался исключительно высоким начальством. Студенты, преподаватели и все прочие посетители проникали в здание через боковые двери, в основном со стороны Невы или со двора и в одну из двенадцати задних дверей. Пропускного режима не было, вход свободный. Какой-то вахтёр, наверняка, имелся, но никак себя не проявлял. Самый популярный маршрут – через южную дверь, по лестнице на второй этаж, где начинался легендарный Главный коридор Университета, длиной 275.5 м, который считают самым длинным университетским коридором в мире, с его блестящим скрипучим паркетным полом, неповторимой анфиладой и венецианскими окнами. Человек, стоявший в противоположном конце коридора, ка-

зался букашкой. Одна сторона коридора представляла собой сплошной ряд окон, вдоль противоположной стороны тянулись всегда запертые книжные шкафы (не библиотечные, ибо книги из них никому, насколько я понимаю, не выдавались, хотя ребята со старших курсов видели, как служители доставали книги из шкафов и куда-то их увозили на тележке). Книги стояли, как бы мигая тусклой кожей старинных переплетов со следами кое-где сохранившейся позолоты. Идя по коридору, мы погружались в петровскую эпоху. Изначально коридор был длиннее, но в университетское время в северной части он закончился входом в библиотеку.

При “проклятом царском режиме” угнетённые студенты университета даже устраивали демонстрации, дефилировали колонной по Главному коридору туда и обратно, с транспарантами, красными знамёнами и революционными песнями.

На третьем этаже располагался ректорат Университета, на втором – деканаты и аудитории, на первом этаже – лаборатории.

Южную половину здания занимал Геологический факультет, северную – Биолого-почвенный.

Во дворе стояло ничем не примечательное здание кафедры ботаники, построенное в конце 1860-х, к западу от Главного здания, на площади два гектара был разбит Ботанический сад с тремя оранжереями, рядом здание Гербария СПбГУ – одного из старейших в России. Примечательно, что

внутренний двор почти всегда пустовал, студенты в нём, равно как и под сводами западной галереи не задерживались. Неуютно там было, чувствовалось присутствие каких-то фантомов, носителей духов эпохи Николая I, при котором Университет больше напоминал военное училище, а внутренний двор был закрыт для посторонних.

На южном выходе из здания открывалась одна из самых знаменитых и головокружительно красивых панорам Ленинграда-Санкт-Петербурга. На противоположном, левом берегу Невы разворачивалась величественная картина императорского Петербурга, от Зимнего дворца к Дворцовому мосту, далее Адмиралтейство- Медный Всадник- Исаакиевской собор-здание сената. Во второй половине дня, когда заканчивались занятия, левый берег был хорошо освещён и представлял во всём своём великолепии.

В чём же уникальность Петербургского-Ленинградского и снова Петербургского университета? Что позволило ему занять место лидера в высшем образовании и развитии науки в России?

До революции во всей Российской империи насчитывалось всего одиннадцать университетов, из них только пять продолжают свою деятельность на территории современной России. На сегодняшний день количество «университетов» по названию в России исчисляется сотнями. Официальная статистика оперирует понятием «вузы», их насчитывается около 700. Настоящих университетов, не по названию, а по

сути, не так много, не более 8–10.

Начиная с 1821 года Санкт-Петербургский университет регулярно менял своё название. Сегодняшнее название «Санкт-Петербургский государственный университет» стало тринадцатым по счёту за всю историю Университета. Причина такой чехарды чисто политическая, основанная на особо пристальном внимании к Университету властей предрежащих.

Начиная с конца 19 века Императорский Санкт-Петербургский университет воспитал выдающихся учёных общемирового значения, которые произвели настоящую революцию в науке (Вернадский, Гумилёв, Докучаев, Ландау, Менделеев, Попов, Бердяев, Лосский). Ни один из них не был удостоен чести закрепления его имени в названии Университета. Не посягнули на это и российские императоры и императрицы. После революции коммунисты, ничтоже сумняшся и ничтоже бояшся, присвоили себе эту привилегию.

В мою бытность студентом Университета он носил имя А.А.Жданова, высокопоставленного партийного функционера, весьма далёкого от науки. Этот персонаж печально знаменит тем, что в 1946 году возглавил травлю известных ленинградских писателей и поэтов, печатавшихся в журналах «Звезда» и «Ленинград», в их числе Ахматова и Зощенко.

До 25 апреля 1934 года Ленинград оставался научной столицей СССР, в нём находилась Академия наук СССР и её основные институты. Цвет гуманитарных и естествен-

ных наук сохранялся именно в Ленинградском университете, вплоть до начала широких политических репрессий. Несмотря на титанические усилия партноменклатуры, вольнолюбивый дух русской науки в Ленинградском университете окончательно не исчез. Твёрдость в научной позиции и энергичное её отстаивание были очень важны во взаимоотношениях с партийными функционерами. Пример такой твёрдости продемонстрировал ректор Университета академик А. Д. Александров в 1952-1964 годах. Именно ЛГУ под его руководством нанёс смертельный удар казавшейся непобедимой лысенковщине в биологии и аграрном секторе. Наряду с Ботаническим институтом АН СССР одним из главных центров этой борьбы стал Ленинградский университет. Преподаватели и профессора Университета выступили застрельщиками дискуссии по виду и видообразованию, которая фактически положила начало ревизии итогов августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 год) и в значительной степени подорвала абсолютную монополию антинаучных воззрений Лысенко в печати. На биолого-почвенном факультете ЛГУ впервые в стране была возрождена кафедра генетики, её заведующий, М.Е. Лобашев, написал первый учебник по генетике, который Университет выпустил в свет.

Объективно оценить уровень конкретного университета можно только по качеству образования и достижениям его выпускников.

Диапазон сфер деятельности и достижений выпускников

Петербургского-Ленинградского университета неправдоподобно широк, даже слишком, но в этом суть настоящего университета – в процессе обучения в нём студенты получают не только и не столько сумму специальных знаний, но образуются в полном смысле этого слова, приобретают способность мыслить независимо, широко и универсально.

Вот самый короткий список, составленный мною, который состоит из имён знаменитых учёных, писателей, поэтов, художников, рок-музыканта и государственных деятелей, выпускников Петербургского (Ленинградского) университета:

- Александров, Александр Данилович
- Бенуа, Александр Николаевич
- Бердяев, Николай Александрович
- Бианки Виталий Валентинович
- Блок, Александр Александрович
- Брюллов, Павел Александрович
- Булгаков, Сергей Николаевич
- Вернадский, Владимир Иванович
- Врубель, Михаил Александрович
- Гоголь, Николай Васильевич
- Гребенщиков, Борис Борисович
- Гумилёв, Лев Николаевич
- Гумилёв, Николай Степанович
- Докучаев, Василий Васильевич
- Дягилев, Сергей Павлович

- Карпов, Анатолий Евгеньевич
- Керенский, Александр Фёдорович
- Ландау, Лев Давидович
- Ленин, Владимир Ильич
- Лосский Николай Онуфриевич
- Медведев, Дмитрий Анатольевич
- Менделеев, Дмитрий Иванович
- Павлов, Иван Петрович
- Перельман, Григорий Яковлевич
- Полянский, Юрий Иванович
- Попов, Александр Степанович
- Путин, Владимир Владимирович
- Рерих, Николай Константинович
- Семёнов-Тян-Шанский, Пётр Петрович
- Собчак, Анатолий Александрович
- Столыпин, Пётр Аркадьевич
- Тимирязев, Климент Аркадьевич
- Тургенев, Иван Сергеевич
- Флоренский, Павел Александрович
- Хлебников, Велимир
- Чернышевский, Николай Гаврилович

У истоков Университета стоял один из его первых студентов М.В.Ломоносов.

В стенах Университета сдавал экстерном по юридическому факультету и получил диплом первой степени В.И.Ленин. Огромный, во всю стену портрет, живописующий это эпо-

хальное событие, висел на южной стене Главного коридора.

В сонме учёных, работавших в Университете, неоспоримым первенством обладает Дмитрий Иванович Менделеев, который в 1984 году был признан ЮНЕСКО самым великим учёным всех времён и народов. Университет бережно хранит память о нём.

Именно в Петербургском университете, на естественном отделении, зародились и получили развитие принципиально новые подходы к изучению окружающего нас мира как органического целого. Дмитрий Иванович Менделеев не был классическим кабинетным учёным, корпевшим над химической посудой в лаборатории. Он был естествоиспытателем, изучал весь окружающий нас мир во всём его разнообразии и не боялся рискованных полевых исследований. Пример:

19 августа 1887 года в подмосковном Клину 53-летний профессор Менделеев в одиночку поднялся на воздушном шаре, заполненном водородом, чтобы наблюдать полное солнечное затмение. К восьми часам утра аэростат достиг высшей точки – 3800 метров. В корзине ученый произвел целый ряд атмосферных измерений и наблюдений. Пролетев над землей около 100 километров, шар с учёным благополучно приземлился близ деревни Спас-Угол.

Вот этот неутомимый исследовательский дух царил на естественном отделении Петербургского университета, а позже и на биолого-почвенном факультете, и я впитал его в полной мере.

Великие учителя воспитывали великих учеников. Студентом естественного отделения (специальность – агрономия) физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета был Пётр Аркадьевич Столыпин, знаменитый реформатор России. Во время обучения Столыпина одним из преподавателей университета был Д. И. Менделеев, который принимал у него экзамен по химии и поставил «отлично».

Начиная с 1906 года и по сей день выпускники Петербургского университета, от Столыпина, Керенского и Ленина до ныне действующего Президента, во многом определяют направление развития России. Напомню, что логос или основополагающая идея здания Двенадцати коллегий есть создание административного центра управления Российской империей. Логосы вечны и не подлежат изменениям. Для подробных разъяснений рекомендую труды Гераклита, Платона, Аристотеля и Н. О. Лосского.

Ещё одним очень важным достоинством главного здания Университета было его окружение. Буквально в нескольких минутах ходьбы от него находились Эрмитаж, Зоологический музей, Кунсткамера, Музей почвоведения, библиотека Академии Наук, Меншиковский дворец и Петропавловская крепость с Петропавловским собором, где находится усыпальница всех российских императоров и, конечно, Исаакиевский собор – главный православный собор Великой России.

Вывод: уникальное местоположение в структуре красивейшего и наиважнейшего города России Санкт-Петербурга, богатейшая история, начиная с петровских преобразований, традиции свободомыслия и научного подвига и непрерывный исторический ряд выдающихся учёных, связанных с Университетом, сделали его наиболее благоприятным местом для развития личности студентов. Как я убедился на собственном опыте, успешный выпускник биолого-почвенного факультета Ленинградского университета мог добиться успехов в любой области науки и производства, искусства и политики, занять высшие посты на государственной службе.

Официальный список бывших студентов, которыми гордится Университет, постоянно корректируется его руководством. Такова наша отечественная история – вчера смутьян, а сегодня заслуженный, уважаемый народом человек, а иногда и наоборот.

Яркий пример – А. И. Ульянов (1866-1887+), старший брат В. В. Ленина.

Вот описание его короткой, бессмысленно загубленной жизни:

В 1886 году, на третьем курсе Петербургского университета, получил золотую медаль за научную работу по зоологии беспозвоночных. В декабре 1886 года организовал «Террористическую фракцию» движения «Народная воля», которая объединила главным образом студентов Петербургского университета. На деньги, вырученные от продажи его зо-

лотой медали, была приобретена взрывчатка для бомбы. 1 марта 1887 года «Террористическая фракция» планировала осуществить покушение на Александра III, но покушение было предотвращено, а организаторы и 15 участников – арестованы. Никто не пострадал, незадачливые заговорщики так и не превратились в убийц.

Вместе с другими организаторами покушения Александр Ульянов был заточён в Петропавловской крепости, в которой находился вплоть до перевода в Шлиссельбургскую крепость, где впоследствии был казнён.

Для справедливости замечу, что этот эпизод не характерен для естественного отделения, впоследствии биофака, естествоиспытатели люди мирные.

Позднее, с интервалом в 7 лет, на том же естественном отделении петербургского университета учился великий русский философ Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965+), создатель наиболее совершенной философской системы, раскрывающей Тайну Человека, природу мирового добра и зла. Два этих примера судеб студентов Петербургского университета показывают, насколько был широк спектр их мировоззрений и самоцелей.

По непонятной мне причине, тот факт, что Петербургский университет вырастил целую плеяду выдающихся русских философов 20 века, совершенно очевидно скрывается. На официальном вэб-сайте СПбГУ их фамилии не упомянуты.

Нет в последнем официальном списке и А. А Собчака,

довольно заметной фигуры в истории России. В. В. Путин В 1970—1975 годах учился на международном отделении юридического факультета ЛГУ, где вступил в ряды КПСС. В стенах университета встретил Анатолия Собчака, в то время доцента ЛГУ, что стало началом их политического сотрудничества, в котором Собчак поначалу исполнял роль ведущего.

В рассматриваемом списке пока ещё присутствует Б. Б. Гребенщиков, патриарх петербургского рока.

Вольнодумство и склонность к политическим авантюрам в среде студентов и преподавателей Петербургского, а затем и Ленинградского университета всегда было серьёзной проблемой для властей предрежущих. Среди студентов Университета, к сожалению, встречались и злодеи. Как известно, самые злые черты водятся в кафедральных соборах.

Автор радикального «Катехизиса революционера» Нечаев с сентября 1868 года слушал лекции в Санкт-Петербургском университете в качестве вольнослушателя, (он никогда не был зачислен) где и познакомился с антиправительственной русской литературой декабристов, петрашевцев и отца русского анархизма Михаила Бакунина.

Борис Викторович Савинков (1879—1925+) – русский террорист, один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров учился в Петербургском университете, из которого был исключён за участие в студенческих беспорядках.

Не могу не упомянуть печальный факт, что выпускником Университета, а впоследствии даже деканом биолого-почвенного факультета был Исаак Израилевич Презент, правая рука «народного академика» Т. Д. Лысенко, идеолог «мичуринской генетики», яростный гонитель всех честных учёных в области естественных наук до 1951 года.

В Ленинграде в 1960-е годы действовали две подпольные диссидентские организации, которые привлекают интерес исследователей. В обеих участие принимали студенты Ленинградского университета. Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН) – подпольная антикоммунистическая организация, существовавшая в СССР в 1964—1967 годах. Члены ВСХСОН готовились возглавить антикоммунистическое движение в России и насильственную революцию против существующего порядка, если таковая начнётся. В феврале 1967 года КГБ ликвидировал организацию. К этому моменту в ВСХСОН состояли 26 человек и около 30 человек считались кандидатами в члены организации.

Революционные настроения 1960-х сошли на нет и остатки её выродились в банальную уголовщину с политическое подоплёкой. Последнее громкое дело, связанное со студентами ЛГУ, датировано осенью 1974 года, когда была ликвидирована особо опасная банда Балановского-Зеленкова. Это уже в мою бытность студентом биолого-почвенного факультета. Помню, как беспрецедентное прочёсывание

силами милиции и войсковых подразделений, с целью поимки банды, проводилось на обширной территории Ленинграда и области. Когда студенты, как обычно спешили на электричку, приходилось предъявлять документы (студбилет, как правило) патрулю у входа на платформу в Старом Петергофе. В мае следующего года – проверка в общежитиях с беседами.

Отголоски тех печальных событий тем или иным образом повлияли на жизнь студентов Университета вплоть до 1980-х. Усиленный надзор и профилактические меры, пожалуй, себя оправдали. Тем не менее, в отличие от многих своих именитых собратьев, Ленинградский университет был чем угодно, но только не казармой. Он не был компактным образованием, с чётко определёнными границами и вертикальной структурой управления, что для советского периода было крайне необычным. Автономные в своей жизнедеятельности факультеты, кафедры, лаборатории и другие научные подразделения Университета были разбросаны произвольно, на огромной территории Ленинграда и области. Студенты крайне редко, мельком видели своих деканов, ректора, не получали приказов и инструкций, Никаких правил внутреннего распорядка и прочих регламентов студенты не знали. На мой взгляд, структуру Ленинградского университета образца 1970-х можно сравнить с Афинской республикой времён Фемистокла. Это имело свои достоинства и недостатки.

Глава пятая

Всеобъемлющий, объективный, очищенный от пропаганды и политиканства рассказ об истории Петербургского-Ленинградского университета не входил в мои планы. Труд этот воистину титанический и требует специальной подготовки, посему оставляю это дело учёным-историкам.

Цель предлагаемого повествования – поделиться с читателем наиболее интересными моментами моей студенческой жизни на биолого-почвенном факультете ЛГУ.

Факультет этот был основан в 1930 году на базе биологического отделения физико-математического факультета. До 1934 года Ленинградский университет оставался ведущим, наиболее авторитетным вузом страны с прочным основанием, заложенным ещё при Петре Первом. Традиции академического образования оказались чрезвычайно стойкими. Они выдержали чудовищное идеологическое давление и многочисленные приступы административного восторга властей предрежащих с их безумными попытками реформировать университет в угоду политической конъюнктуре.

Сегодня, спустя полвека с начала моей университетской одиссеи, я отчётливо понимаю, какие мощные силы подхватили меня тогда, дали толчок и средства к неограниченному развитию и совершенствованию моей личности.

Уже одно моё каждодневное путешествие на занятия в

Университете было захватывающим переживанием, с глубоким эмоциональным воздействием.

Судите сами:

Факультетское общежитие находилось в добром и тихом Старом Петергофе, на южном берегу Финского залива. Утренняя пробежка до железнодорожной платформы (студенты всегда опаздывали на электричку), затем вполне комфортный, зимой тёплый путь в вагонах ещё старого образца, с деревянными сиденьями электрички до Балтийского вокзала, одного из старейших вокзалов России. Время в пути – минут 40, расстояние – 35 км. В электричке можно было доспать, подготовиться к зачёту, пообщаться с интересными людьми. Распитие спиртных напитков, даже пива, в электричках нашего направления не практиковалось. Все ехали чинно-благородно, из развлечений были доступны только облавы контролёров. Хотя месячный проездной билет на электричку до Старого Петергофа стоил всего несколько рублей, некоторые студенты ездили «зайцами», то есть бесплатно.

С привокзальной площади отходила легендарная «десятка» – автобус номер 10, в утренние часы забитый студентами. Почти что прямой маршрут шёл на север, по радиусу, к axis mundi Санкт-Петербурга, сиречь к месту его рождения. Именно этим маршрутом двигались гости из европейских стран, прибывавшие поездом на Варшавский вокзал, что стоит рядом с Балтийским вокзалом. В наши дни

это готовый туристический маршрут, один из лучших если не самый лучший в Петербурге, протяжённостью чуть больше 4 км. Даже названия проспектов, улиц и площадей, в порядке следования, говорят о многом: Вознесенский проспект – Измайловский проспект с величественным, мощным, белоснежным собором Святой Живоначальной Троицы Лейб-Гвардии Измайловского полка, с видными издали куполами небесного цвета – Троицкий проспект – Исаакиевская площадь с правительственным Мариинским дворцом, памятником Николаю I и громадой главного собора Великой России, несравненным гранитно-бронзовым, златоглавым Исаакиевским собором. Затем выход на Малую Морскую улицу, невероятно насыщенную историческими объектами, и на широкий Невский проспект, ведущий к Адмиралтейству. Затем поворот на Дворцовую площадь с Александрийской колонной и Зимним дворцом. Следующим шёл подъём на Дворцовый мост. Эта последовательность, несомненно, была делом не случая, но провидения.

До Исаакиевской площади мы проезжали прекрасно сохранившуюся часть старого города – Петербург Достоевского, в котором протекала жизнь его литературных героев. С Исаакиевской площади начинался нетронутый вандалами императорский Петербург, во всём своём блеске и величии. Исаакиевский собор выглядел фантастически. Облик его менялся самым неожиданным образом в зависимости от времени года и суток, погоды и освещения. Это не имеющее ана-

логов строение не от мира сего, и мне выпало счастье двенадцать лет моей молодости наслаждаться этими невероятными образами почти каждый день.

С Дворцового моста, куда въезжал автобус пред следующей остановкой "Университет", разворачивалась самая знаменитая, захватывающая дух, торжественно-радостная панорама Санкт-Петербурга. Широкая гладь Невы открывала простор, продуваемый уже свежим морским ветром. Справа по ходу – Петропавловский собор с высоким золотым шпилем, окружённый могучими каменными бастионами, самый высокий собор Санкт-Петербурга (Исаакиевский собор по высоте второй), слева – Ростральные колонны и стрелка Васильевского острова, Академия наук, Кунсткамера, виднелся и южный край Здания Двенадцати коллегий. Отсюда начинал строиться Санкт-Петербург, а вместе с ним новая, вечно молодая, устремлённая в будущее петровская Россия, которая стала Великой, не знающей границ. Зрелище это каждый раз вызывало эмоциональный подъём и душевное волнение, ощущение чего-то хорошего, что ожидало меня в ближайшем будущем.

Это чудесное путешествие в 1974-м обходилось в 5 копеек (стоимость автобусного билета).

Высидевшись из автобуса прямо у входа в Университет со стороны набережной, мы входили в здание через неширокую дверь, поднимались на второй этаж и вступали на скрипучий, натёртый до блеска дубовый паркет Главного коридора.

дора, соединявшего все корпуса. По восточной, правой стороне коридора имелись входы в каждую из двенадцати секций длинного здания. С площадки широкой лестницы налево был вход в большую аудиторию, где читались лекции. Вниз по лестнице, на первом этаже, располагались лаборатории, а на третьем этаже – кафедры, специальные библиотеки, коллекции.

В те годы коммунальное пространство общего пользования в главном здании принадлежало студентам. Преподаватели и администраторы укрывались в своих кабинетах и других служебных помещениях, мы их видели только на занятиях или мельком, на ходу. Личные контакты между студентами и преподавателями были редкими и скоротечными, только по делу.

Вторым после Главного коридора, наиболее оживлённым местом встреч и разговоров были лестничные площадки второго этажа, ибо они служили курилками. Курили все, за редким исключением, дым стоял коромыслом. Кондиционеров и даже вентиляции в те времена не было. Здесь же случались и знакомства, перераставшие в отношения. Не занятые аудитории, лаборатории были доступны в любое время. Не помню ни одного случая, когда в университете какая-то дверь передо мной оказалась закрытой. Полагаю, что по ночам университет всё-таки закрывали. Никаких охранников и сторожей мы не видели, равно как и чужих людей в стенах университета. При этом ценности в университете имелись –

старинные книги, произведения искусства, геологические и зоологические коллекции, лабораторное оборудование, даже драгметаллы.

На моей памяти было только два случая кражи – платиновых тиглей из лаборатории и морского бинокля с военной кафедры. Украли студенты из числа ленинградцев, мы догадывались кто, но помалкивали, таков был неписанный кодекс студенческой этики.

Замечу, что фрагментарная корпоративность в студенческой среде наблюдалась исключительно на уровне конкретного курса. Отчётливо выделялись два сообщества: классические студиязусы, поступившие в университет сразу после окончания школы и рабфаковцы.

Рабфаковцами или слушателями подготовительного «рабочего факультета» называли тех, кто был зачислен на дневное отделение после обучения на подготовительном отделении, без конкурса. Это были, как правило, ребята, отслужившие в армии, имеющие стаж работы на производстве, заметно старше основной студенческой массы. Они выделялись уверенностью в себе, обязательностью, сторонились студенческих пирушек и пустых разговоров. Учёба им давалась тяжелее, чем вчерашним школьникам, они ценили свой шанс и занимались упорно, лекции не прогуливали, не "сачковали".

Все студенты делились ещё на ленинградцев и неленинградцев. Почти все неленинградцы жили в общежитии, где и общались. Ленинградцы держались несколько отстранённо,

компаниями по интересам.

Уже в те годы по всему миру стал нарастать интерес к биологическим наукам и охране природы. Умные люди понимали, что 21 век станет веком биологии и экологии. Среди студентов-ленинградцев преобладали дети влиятельных родителей – профессоров университета, генералов, адмиралов, секретарей районных и областных партийных организаций. Не буду приводить фамилии, но они были весьма известные.

На первом курсе попадались и представители «золотой» молодёжи, которые баловались лёгкими наркотиками и прочими глупостями. В университете они не задержались.

Границы между различными студенческими компаниями были достаточно размытыми и индивидуальное общения между членами различных групп ничем не затруднялось, все были "чуваками и чувихами". Разница в имущественном положении также явно не прослеживалась. На нашем факультете существовали некоторые отличия во внешнем виде, студенты одевались попроще, с элементами полевой экипировки. У кого были деньги, старались одеваться "фирменно" – американские джинсы, куртки современного покроя.

В общем и целом, жизнь в студенческой среде была по большому счёту невинной и скорее консервативной в хорошем смысле этого слова. В мою бытность никаких скандалов, инцидентов и тем более преступлений в студенческой среде не произошло. Представители охраны правопорядка в стенах университета не появлялись. Особых требо-

ваний к внешнему виду студентов не существовало. Одевались кто во что горазд. Девушки предпочитали длинные платья и брюки. Длинные волосы юношам позволялись до начала занятий на военной кафедре на втором курсе. Студенческие пирушки носили камерный характер, в немногочисленных компаниях. Разврат и непотребство нам были незнакомы. Мы слушали рок-музыку, чрезвычайно популярными в любых компаниях были анекдоты, в том числе политические, но при этом не сквернословили.

Какой-то суетливости, раболепности перед преподавателями, услужливости и лицемерия в студенческой среде не наблюдалось, в этом не было никакой необходимости. Студенты были исполнены самоуважения и уверенности в своём будущем, взаимоотношения между студентами и преподавателями были максимально простыми, всем понятными и безкорыстными. Дать взятку преподавателю за услугу в нашей студенческой среде было делом немыслимым, мне такие случаи неизвестны. Когда на последнем курсе мне, супруге и моему годовалому сыну необходимо было разместиться в общежитии, в отдельной комнате, я в первый раз в жизни, он же и последний, попытался дать взятку в 100 рублей нашему коменданту, Юре, бывшему подводнику, служившему на атомной субмарине. Попытка позорно провалилась, Юра денег не взял, комнату нам предоставил.

Знакомые мне рассказывали, что в весьма авторитетных вузах в те годы процветало своего рода «дедовщина» со вся-

кими дикими обычаями, типа «прописки», старшекурсники вымогали деньги у первокурсников. В Ленинградском университете ничего подобного не было, для старших курсом мы, первокурсники, никакого интереса не представляли. Правда, у меня такой контакт произошёл. По каким-то причинам я приглянулся пятикурсникам, и они взяли меня, единственного первокурсника, в свою агитбригаду для поездки в университет-побратим, МГУ. Поездка оказалась весьма поучительной. Почвенный факультет МГУ располагался в главном здании, на Воробьёвых горах. Резкий контраст с ЛГУ, настоящая казарма с жесточайшей дисциплиной. Им даже не разрешали сидеть днём на заправленных кроватях в общежитии. Там я по молодости и глупости в разговоре с москвичом высказал вслух мысль, что комсомольские собрания – это пустая трата времени. Агитбригада была как бы комсомольской инициативой и совместное комсомольское собрание с москвичами провели по правилам. То, что неприметный паренёк рядом со мной в курилке оказался стукачом, я понял позже, когда у меня начались неприятности. Тоже своего рода наука.

Это было ещё одно, весьма заметное отличие ЛГУ от других вузов – аполитичность. В Главном здании отсутствовали портреты партийных вождей и «основоположников», равно как и любая наглядная агитация. Никто не вывешивал праздничных флагов и транспарантов. Мы не ходили на демонстрации, митинги и собрания коллектива, не слушали про-

пагандистов и не читали газет. Телевизор не смотрели, радио не слушали, интернета ещё не было. Политинформация и прочая пропаганда до нас не доходили. Комсомольских собраний я не помню, хотя считался хорошим комсомольцем. Замечу, что в 1977 году с большим размахом в последний раз отмечали круглую дату со дня Великой Октябрьской революции – 60 лет. Денег и ресурсов не жалели, но всё это уже не работало.

Полагаю, что разгром передовой советской биологии лысенковцами и верховенство господствующей идеологии в академической науке стали для естественнонаучного сообщества надёжной прививкой от идеологического безумия. Воспоминания о современной научной инквизиции были ещё очень свежими. Студенты как детективный роман перечитывали передаваемый из рук в руки синий томик “Стенографический отчёт сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, 31 июля – 7 августа 1948 г.” На деревянных партах в аудитории кафедры генетики ещё можно было разобрать надписи типа: “Генетика – продажная девка империализма”, “Мендель – реакционный австрийский монах”. Партийные функционеры это понимали. Биология стала слишком важной наукой, которой предстояло решить наиважнейшие проблемы оборонного значения и общей безопасности страны, и биологов больше не трогали.

Материальная учебная база была более чем скромной. В

те годы, по политическим мотивам, чтобы искусственно возвысить значение Москвы, Ленинград был нивелирован до уровня областного центра. Это означало, что бывшая столица Российской империи, город трёх революций, для советского правительства ничем не отличался от любого другого областного центра, например Смоленска или Петрозаводска. Финансирование ЛГУ шло в соответствии с этими стандартами, учёные международного уровня загонялись в рамки материальных возможностей какого-нибудь захолустного института. Следует понимать, что одним из главных индикаторов развития личности людей является их способность отражать и понимать разницу в пределах одной и той же категории вещей. Например, чем отличаются картины Ван Гога от картин Петрова-Водкина или Пушкин от Маяковского. Эта особенность руководства не была критической, поскольку научно-техническая революция 20 века только разворачивалась, какое-то время можно было обойтись без компьютеров, принтеров и интернета, но положение было очевидно ненормальным.

Что касается благоустройства в главном здании в 1970-х, оно почти не изменилось с начала 20 века. При проклятом царском режиме уже всё необходимое имелось, включая водопровод, канализацию, центральное отопление и электричество. Советская власть занималась в основном перепланировками помещений, не всегда безопасными, благоустройство Главного здания считалось более чем достаточным.

Разделяя одно и то же здание, мы практически не общались с геологами и со студентами старших курсов своего факультета. Тем более никаких контактов с филологами и историками, которые учились в соседних с нами зданиях, с ними мы пересекались только в университетской столовой или библиотеке.

Занятия наши не ограничивались стенами здания Двенадцати коллегий. Целый ряд дисциплин читали лучшие преподаватели других факультетов. В соответствии с расписанием мы перемещались по всему городу. Географический факультет, родной брат биолого-почвенного факультета, находился на другом конце города, в бывшем здании Мещанского (Александровского) училища (Александровский институт), устроенном при Смольном институте благородных девиц. Уникальное здание, внутри напоминающее монастырь, с лабиринтом лестниц и переходов. В нём в те годы читал лекции Л. Н. Гумилёв. Так началось моё знакомство с правительственным комплексом Смольного, переросшее после окончания университета в тесное сотрудничество.

Химию, мудрёнейшую из всех наук, мы изучали в мрачном, сером, облицованном базальтом здании Химического факультета, что на Среднем проспекте Васильевского острова, дом № 41/43. Это здание также было историческим, построенным в 1913—1914 годах для Бестужевских Высших женских курсов, которые, по сути, были женским университетом. Замечу, что уже в те годы у них имелась прекрасно

оборудованная химическая лаборатория.

Военная кафедра квартировала напротив Главного здания, в стенах бывшего Новобиржевого Гостиного двора, где размещались исторический и экономический факультеты.

Наиболее важные занятия по физкультуре летом проходили на стадионе им. Ленина (ныне Петровский).

Моя родная кафедра почвоведения и географии почв помещалась в небольшом уютном здании на 16-й линии Васильевского острова, через пару зданий от уютного пивного бара "Бочонок", где можно было вкусно пообедать за 75 копеек.

Для полноты географического обзора упомяну о легендарной Морской биологической станции Санкт-Петербургского (Ленинградского) Государственного университета на острове Средний в Кандалакшском заливе Белого моря, где студенты проходили практику. До неё от Старого Петергофа, где размещался Биологический институт ЛГУ, около 1100 км.

Забегая вперёд, скажу, что за годы обучения в ЛГУ я посетил интереснейшие, неизвестные широкой публике, особо ценные природные объекты, начиная от берегов Северного и Белого морей до северного Причерноморья, Крыма, где поработал по специальности, общался с ведущими учёными, многому научился. Это был мой выбор. Главным достижением в развитии моей личности, благодаря университетскому образованию, считаю способность познания мира как ор-

ганического целого.

Биолого-почвенный факультет Ленинградского университета в мою бытность обладал уникальной системой обучения, основанной на лучших традициях академического университетского образования России. Желая получить глубокое образование высочайшего уровня совершенно бесплатно предоставлялись для этого все возможности и полная свобода заниматься углублённо тем, что студенту было наиболее близко и интересно. На факультете работали легендарные личности, маститые учёные, пострадавшие за научную истину: Д.Н.Насонов, В.А.Догель, Ю.И.Полянский, А.Л.Тахтаджян, М.Е.Лобашева. Феноменальной популярностью среди студентов, их любовью прославился профессор Ю. И. Полянский, который за борьбу с лысенковщиной был репрессирован, прошёл через лагеря. Его лекции посещали все, независимо от специальности.

В то же время, если студент ленился или был туповатым, он всё же не выпадал из учебного процесса, не мытьём так катаньем сдавал на тройки экзамены, никто его не гнобил. Например, староста нашего курса, ленинский стипендиат, всегда в костюме и очках, член партии, к экзаменам готовился таким образом: он кропотливо переписывал содержание конспекта на длинную шпартгалку, убористым почерком и мельчайшим шрифтом. На память ничего не заучивал. Все экзамены сдавал на пятёрки. Парадоксально, но Университет предоставлял равные возможности развиваться и гени-

ям, и тупицам, каждому в выбранном направлении, ибо нет никого глупее, чем глупец образованный. Диплом университета позволял устроиться на любую работу, в крайнем случае поступить офицером на службу в армию или учителем в школе.

Ответственные, успевающие пятикурсники биолого-почвенного факультета могли самостоятельно выбрать тему дипломной работы и место производственной практики (любую точку Советского Союза).

В этом состояло кардинальное отличие Университета от любого другого вуза СССР, выпускник которого обязан был получить точно регламентированные, конкретные знания прикладного характера и работать в строго определённой области народного хозяйства, соответствовать всем стандартам выбранной профессии.

Настоящий, полноценный университет высокого уровня подобен сказочной пещере, набитой сокровищами-знаниями, а студент университета подобен Али Бабе из известной арабской сказки. Находясь в этой пещере, студент волен взять всё что ему нравится и вынести столько, сколько позволяют его силы. Мои однокашники и друзья, закончившие университет, пошли самыми разнообразными жизненными дорогами. Примеры: один из моих друзей-почвоведов, работает учёным-энтомологом в Зоологическом музее, второй разрабатывает вакцину от СПИДа в Америке; ихтиолог стал полковником, начальником городского управления ОБХСС.

Эти примеры не являются аномалией, но подтверждают универсальность университетского образования и неограниченность возможностей профессионального развития, которое оно даёт. В то же время не следует забывать, что, по выражению А.П.Чехова, "Университет развивает все способности, в том числе – глупость". М.С.Горбачёв, последний генеральный секретарь ЦК КПСС, был выпускником МГУ им. М.В.Ломоносова.

Лично я научился в Ленинградском университете самостоятельно (интернет тогда ещё не существовал) находить ответы на любые научные вопросы, мыслить широко и независимо, избегая влияния официальной идеологии и пропаганды, выбирать правильные цели и направлять усилия на освоение тех знаний, которые были действительно необходимы для достижения полноты жизни и самосовершенствования. Именно в Университете был заложен краеугольный камень, на котором выросло крепкое здание моего личного восприятия и осознания мира как органического целого, что для человека является главным знанием, без которого невозможно полное развитие личности.

Во времена СССР на моё профессиональное обучение, которое в общей сложности длилось 18 лет, ни мои родители, ни я сам не потратили ни копейки. Наоборот, я получал поддержку от государства в виде довольно приличной стипендии, общежития, льготного питания, бесплатного медицинского обслуживания очень высокого уровня и многого

другого. Став выпускником университета, я не имел долгов и не беспокоился о своём будущем. Государство брало на себя все хлопоты по трудоустройству выпускников, предлагая весьма интересные варианты, включая благоустроенное жильё и быстрый карьерный рост.

Глава шестая

Процесс обучения в ЛГУ для меня ни единой минуты не был изнурительным, слишком длинным или скучным. Мой обширный университетский курс состоял из предметов различной степени познавательности и полезности. Полученные в университете знания определили всю мою дальнейшую жизнь, сделали её достаточно полной и интересной. Прав был М.В.Ломоносов:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.*

.....

Высшая математика, физика, десять отдельных курсов химии не были увлекательными, но прошёл я их легко, выручала прекрасная зрительная память, а также знания и навыки, полученные в Политехе.

Биология, геология, ботаника, микробиология, экология были мне намного ближе, я поглощал их быстро и запоминал надолго.

На специальных курсах преподавали уже конкретную специальность, их успешное прохождение давало право рабо-

тать в научных заведениях и на производстве в следующих направлениях: геоморфология, гидрогеология, климатология, минералогия, петрография, геодезия и картография, инженерная геология, геоботаника, растениеводство, защита растений.

На пятом курсе в рамках индивидуальной программы я изучил новейшую науку информатику и принципы работы на ЭВМ (электронно-вычислительные машины). Моя дипломная работа была посвящена цифровой обработке данных лабораторных анализов. После успешной защиты её опубликовали в университетском научном сборнике, что вызвало большой интерес и бурные споры, ибо в естественных науках это было началом прорыва к технологиям Будущего.

Английский язык преподавался достаточно формально. Всё что от нас требовалось это перевести самостоятельно определённый объём научных текстов («тысячи») из журналов “Nature” и “Scientific American”, которые для этих целей выдавала университетская библиотека. Поскольку компьютеров у нас ещё не было, работали со словарями. Нужно признать, что преподавание английского языка было самым слабым и абсолютно неудовлетворительным для университетского образования. Преподаватели старались, но общая идеологическая установка создавала атмосферу подозрительности и пренебрежения, посему английский мы знали очень плохо, разговорный был на нуле.

Сегодня я понимаю, каким серьёзным пробелом в на-

шем образовании было то, что мы не изучали латинский язык. В своё время, в угаре революционного административного восторга, латынь была исключена из университетской программы, как "мёртвый, реакционный язык, не имеющий практического применения". Это неправда. Латынь язык вполне живой и является универсальным средством общения учёных всего мира на протяжении двух тысячелетий. Изучение латыни определённым образом дисциплинирует мышление и развивает ряд способностей, необходимых для полноценных научных изысканий. Для натуралистов и медиков хорошее знание латыни строго обязательно.

Самыми бесполезными и нудными были политические «науки»: история КПСС, политэкономия, диамат, истмат, основы научного коммунизма, основы атеизма, которые занимали несправедливо большое место в общей программе. Ничего из их материалов я не запомнил, лекции прогуливал, трудов основоположников не читал, но экзамены сдал успешно, это было не трудно, потому что ещё со школы я хорошо усвоил что и как говорить, чтобы казаться «политкорректным».

К середине 1970-х для умных людей было совершенно очевидно, что реальная жизнь вышла далеко за рамки, очерченные Марксом, Энгельсом и Лениным, а современные теоретики, которые не были гигантами мысли, ничего дельного народу предложить не могли. Официальная пропаганда порождала скепсис и анекдоты, основная масса студентов ру-

ководствовалась понятиями, выработанными самостоятельно, каждый в силу своих интеллектуальных возможностей.

Греческий философ Сократ учил, что обучение – это разжигание пламени, а не наполнение сосуда. Разжечь пламя можно только от другого пламени или сильной искры. Естественные науки невозможно выучить только по учебникам, фильмам и наглядным пособиям. Необходим наставник, преподаватель, который является настоящим учёным, специализирующимся в данной области, энтузиастом и подвижником науки. Только он способен разжечь в своих подопечных жажду научного познания, восторга перед чудесным миром живой природы и радость познания её тайн.

Университетское образование предполагает не тупое механическое накопление полезных знаний с закреплением профессиональных навыков, а прежде всего умение отвечать на вопросы. Можно ответить на любой вопрос, если вопрос задан правильно (Платон).

Царство Природы настолько сложно и совершенно, что неподготовленный человек при попытке понять его устройство просто теряется. Отсюда глупые решения и разрушительные действия, последствия которых мы повсеместно наблюдаем.

Катастрофическое изменение климата, обмеление рек, опустынивание, неспособность людей эффективно избавляться от мусора, остановить распространение эпидемий и новых болезней, – всё это последствия безумия волюнта-

ризма, основанного на корпоративном мышлении и политиканстве. "Сильные мира сего", которые присвоили себе право распоряжаться нашим общим домом, не задумываются о последствиях своих действий.

Главным достоинством и привилегией обучения в ЛГУ второй половины 1970-х было весьма дорогостоящее, обширное, высококласное, уникальное практическое обучение, основанное на изучении объектов живой природы.

Начиналось оно с первого курса. Продолжительных летних каникул у нас не было, ибо летние месяцы использовались для экспедиционных полевых работ. После пятого курса мужчины проходили военные сборы.

Первая моя практика, по ботанике, прошла на территории **парка «Сергиевка»**, что на южном берегу Финского залива, в Петергофе. С 1921 года парк этот находится под охраной государства как особо ценный природный объект и используется биолого-почвенным факультетом для научных целей. Нас учили определять растения по их внешнему виду, правильно их собирать для научных целей и изготавливать гербарии. Осенью того же года мне довелось поработать в университетском ботаническом саду, в том числе с уникальной коллекцией тюльпанов. Полученные знания и умение их применять прочно отложились в моей памяти, я использую их по сей день и в моей профессиональной деятельности, и в частной жизни.

Практические занятия по геологии, гидрогеологии, гео-

морфологии, климатологии, геодезии и картографии проходили на **Учебно-научной базе ЛГУ в поселке Саблино**, Ленинградской области, Тосненского района, пос. Ульяновка. На территории базы расположены уникальные природные объекты: глубокие каньоны рек Саблинки и Тосны, крупнейшие в Ленинградской области (до трёх метров высоты) водопады, мощные обнажения известняков и песчаников, выходы синих кембрийских глин с их знаменитыми окаменелостями, живописные луга, заповедный лес и легендарные Саблинские пещеры.

На этой вместительной базе проходили практику студенты трёх факультетов: геологи, географы и биологи, одновременно до 250 человек. Новые лица, новые знакомства, особенно противоположного пола, это вносило определённое оживление и дополнительный интерес. Долгожданное лето, студенты вырвались из ветреного, промозглого Ленинграда в оазис полной жизни природы в условиях отсутствия привычного контроля со стороны преподавателей и родителей – это было настоящим приключением, запоминающимся на всю жизнь. Практические занятия никоим образом не были в тягость, это был сплошной праздник, калейдоскоп новых впечатлений и приключений. Физические нагрузки были приличными, проходили маршруты, таскали оборудование, карабкались по скалам.

Сильное впечатление оставило посещение Саблинских пещер, которые представляли собой заброшенные подзем-

ные выработки по добыче кварцевого песка (Саблинская свита среднего кембрия), используемого для производства стекла. Большая часть «пещер» была создана в период со второй половины XIX века до начала XX века. В мою бытность эти пещеры или, скорее, катакомбы были открыты для неконтрольного посещения, что, несомненно, было неправильно. Мы, студенты, проходили, а местами проползали, протискивались через узкие лазы, что было очень опасно.

Первая моя практика оказалась чрезвычайно информативной и полезной. В частности, я познакомился с таинственными приборами нивелиром, теодолитом, астролябией, которые сыграли выдающуюся роль в изучении планеты Земля, освоил топографическую съёмку местности, изучил работу типичной метеостанции, освоил методики гидрогеологических исследований и геологических изысканий. Всё это пригодилось мне в моей дальнейшей работе. Уверен, что подобного типа летние практики должны быть обязательно включены в школьные программы. Для такой страны как Россия перечисленные мной навыки и практические знания жизненно необходимы и имеют гораздо большую ценность для государства российского, чем современные, выдуманные бездельниками многочисленные наукообразные и околonaучные дисциплины, якобы связанные экономикой и социальной жизнью, навязанные обществу в политических и сугубо меркантильных целях.

«Полный процесс обучения есть ничто иное как искусство

пробуждения природной любознательности в молодых умах в целях последующего её удовлетворения» (Анатолий Франс).

Начиная с 1962 года, студенты второго курса ЛГУ начали проходить комплексную зональную практику, основанную на увлекательном путешествии по наиболее интересным в научном отношении местам. Методическую основу её подготовил мой будущий учитель, известный учёный А.Ф.Цыганенко. Знаменитая «зоналка» для всех без исключения студентов становилась незабываемым, неповторимым, уникальным по уровню познания и насыщенности событием. На экспедиционных машинах участники практики двигались от южного берега Балтийского моря до северного берега Чёрного моря, со стоянками в специально оборудованных местах. Общий пробег составлял более двух тысяч километров и длился около месяца.

Мы проехали многочисленные города и веси, но в основном посещали заповедные места, многие из которых неизвестны широкой публике. В каждом конкретном месте мы встречались с учёными, которые там работали, получали из первых рук научную информацию, экскурсии знатоков своего дела, имели возможность не только глазами, но и по возможности руками исследовать природные объекты.

Моя «зоналка» 1976 года достойна расширенного описания, но сейчас я ограничусь лишь самым кратким обзором тех мест и событий, которые особенно врезались мне в память.

После Ленинградской области наша студенческая партия переместилась на территорию Белгородской области, где в заповеднике «Лес на Ворскле» нас гостеприимно приняли на ещё одной знаменитой научной базе ЛГУ. Места здесь былинные, чернозёмные, хлебные. Климат позволяет выращивать грецкие орехи.

Современный «Лес на Ворскле» представляет собой наиболее ценный участок заповедника «Белогорье» он расположен в окрестностях посёлка Борисовка.

С 1924 года «Лес-на-Ворскле» является базой летних практик для студентов биолого-почвенного факультета Ленинградского, а ныне Санкт-Петербургского государственного университета. Участок «Лес на Ворскле» представляет собой нагорную дубраву, расположенную на правом высоком берегу реки Ворскла. В пределах Центрального-Черноземья это единственный сохранившийся до наших дней, ничем не нарушенный старовозрастной дубовый лес. Господствуют 100-110-летние насаждения. Около 160 га занимают дубравы в возрасте свыше 300 лет. Чтобы получить некоторое представление о Древней Руси, обязательно нужно побывать в этой дубраве. Прямые, ровные как свечи дубы, высотой 22-32 метра, особенно ценились во времена Петра Первого для строительства военно-морских судов и строжайшим образом охранялись. За самовольную вырубку только одного такого дуба нарушителя казнили на виселице. На самых высоких дубах вьют гнёзда аисты. Саму атмосферу в

этой дубраве невозможно ни с чем сравнить, это чудо, которое невозможно описать словами.

В составе нынешнего заповедника «Белогорье» входит и сравнительно небольшой участок «**Острасьевы яры**» (урочище Низкое). Интерес представляет прекрасно развитая овражно-балочная сеть с разнообразными формами рельефа, которые дают приют редким растениям, животным, птицам и насекомым.

Биосферный заповедник Аскания Нова в Херсонской области, в 60 км к юго-востоку от Каховки, находится вдали от популярных туристических маршрутов. На площади 11054 га располагается абсолютно заповедный, последний участок целинной, никогда не паханной степи на территории Европы. Со времён немецких колонистов на его территории в свободном выпасе находятся стада экзотических животных, в том числе зебры, лошади Пржевальского, бизоны, сайгаки и другие животные. Под открытым небом здесь сохранились одинокие древние курганы, каменные скифские (точнее половецкие) бабы. Имеется прекрасный парк с прудами и каналами, зоопарк. Аскания Нова входит в число наиболее ценных заповедников и имеет общемировое значение.

Лекцию ведущих учёных заповедника мы прослушали и увидели на учебном почвенном разрезе, глубиной около трёх метров. Только в Аскании Нова можно увидеть настоящий, ничем не испорченный русский чернозём. Плодородный гумусовый слой его достигает 120 см и имеет уникальную

структуру, наиболее благоприятную для произрастания растений. Все остальные чернозёмы, за пределами заповедника, остаются таковыми только по названию, ибо давно утратили свои наиболее ценные качества, выщелочены, выпажаны, эродированы, переуплотнены и загрязнены. При желании их можно восстановить или значительно улучшить (уверен, что так оно и будет), для этого необходим эталон, который сохраняется в заповеднике Аскания Нова. Мощные, сверхплодородные русские чернозёмы всегда являлись главным национальным достоянием Великой России. Современным обитателям степной зоны даже представить себе трудно, как выглядела целинная степь во времена Тараса Бульбы, когда лошадь с всадником полностью скрывались в степной траве, а сама степь дышала, шевелилась как море при тихой погоде, так она была насыщена безчисленными формами жизни. Во время Великой Отечественной войны гитлеровцы, вместе с прочими ресурсами, эшелонами вывозили в Германию чернозём, чтобы улучшить почвы на немецких полях.

Весьма приятным и романтическим оказался привал на **Арабатской стрелке**, на берегу Азовского моря. Эта узкая и длинная полоса земли с примыкающим островом КрЯчиный в северо-восточной части Крымского полуострова сложена в основном ракушечным материалом и отделяет залив Сиваш от Азовского моря. Мы быстро наловили пару вёдер креветок, ужин вышел на славу!

Сиваш поразил своим угрюмым, неприветливым ланд-

шафтом. Обманчивая вода залива оказалась крепким соляным рассолом и на берегу соль стала разъедать кожу с весьма неприятными ощущениями. Свежей воды поблизости не нашлось и пришлось послать машину с бидонами за пресной водой. Печальное зрелище представлял из себя и заброшенный людьми Перекоп.

Крым встретил нас прекрасной погодой, ярким солнцем и свежим горным воздухом, напоенным степными ароматами.

Восхождение на **Крымскую яйлу** (так татары называют высокогорное пастбище) стоит затраченных усилий. Радующие глаз мягкие очертания Крымских гор с многоцветными горными лугами пейзаж поразительной красоты и умиротворения. Людей там мы не встретили.

Инкерманское плато в окрестностях Севастополя знаменито как своими природными объектами, так и историческими событиями, здесь случившимися. Известняк из Инкерманских каменоломен вывозили в Древний Рим. Особого внимания заслуживают вековые деревья редких видов, в первую очередь крымский дуб и крымский кедр.

Никитский ботанический сад мы осмотрели под руководством местных специалистов, а это уже гораздо больше, чем обычная экскурсия. Этот сад является одним из чудес Крыма и наполнен потрясающими сокровищами растительного царства.

Напомню, что «зоналка», как весь учебный процесс в университете, для студентов была абсолютно бесплатной, вклю-

чая проживание и питание. Не могу припомнить, были ли у меня на кармане хоть какие-то деньги, не думаю, в них просто не было необходимости, равно как в багаже и гардеробе, никаких излишеств. Это было радостное, беззаботное время, когда возвышенные мысли и жажда познания, а не желания и стремление к удовлетворению эгоистических устремлений наполняли жизнь простыми повседневными открытиями и достижениями. Материальное всегда было на втором плане.

Всё время нашего достаточно долгого путешествия по городам и весям мы ни разу и нигде не почувствовали каких-то существенных различий в поведении, обычаях и говоре людей. Жители левобережья Днепра и Крыма были точно такими же, как и жители Ленинграда, за исключением мелких колоритных деталей более мягкого произношения. Административные границы, которые мы пересекали, существовали только на бумаге и на местности никак не прослеживались. От берегов Невы до черноморского побережья Крыма это была одна страна, один народ, общие интересы, мировоззрение, видение будущего. Мы чувствовали себя в полной безопасности и не предпринимали абсолютно никаких мер предосторожности даже в самых глухих уголках.

На третьем курсе началась моя производственная практика в составе экспедиции Биологического научно-исследовательского института ЛГУ.

В составе совсем небольшой полевой партии я работал

в **Ярославской области, Борисоглебском районе.** Места изумительные, чистая, без примесей, Русь, некрасовские места. Ярославль, Борисоглебск, Углич, Ростов Великий, в этих городах были написаны очень важные страницы истории Древней Руси. Смешанные чувства возникали, когда полевые дороги приводили к возвышенностям, на которых стояли прекрасные каменные храмы со сбитыми крестами, без окон и дверей, а на стенах потрясающей красоты фрески, в хорошей сохранности, с яркими, тёплыми красками, напоминающие о Царствии Небесном и о жизни вечной. Названия деревень, как будто взятые из моей любимой поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», скромный, тихий народ, у меня было ощущение, что я здесь жил, что это моя родная земля, здесь мне хорошо и уютно. Именно в тех краях христианство на Руси нашло наиболее благодатную почву, ибо на бедных подзолистых почвах и скромных лесных угодьях разбогатеть невозможно, простая, но праведная жизнь требует постоянного коллективного труда и взаимопомощи.

Ярославская область, несомненно, это одна из коренных, здесь сформировался великорусский суперэтнос, отсюда есть пошла Русская земля. Борисоглебский монастырь, кремль Ростова Великого, Угличский кремль, Ярославский Спасо-Преображенский монастырь входят в число наиболее ценных, хорошо сохранившихся памятников древнерусской культуры. Глубоко убеждён, что каждый русский человек обязательно должен посетить эти места.

На четвёртом курсе, по университетской традиции, место её прохождения студенты могли выбрать самостоятельно, без всяких ограничений. Кто-то мечтал поработать на Камчатке, кто-то на озере Балхаш, кто-то на Урале или в Карпатах – пожалуйста, мечты сбывались. В мои планы входили скорее практические цели, хотелось поработать в серьёзной организации, заработать денежку, побывать в новых, неизведанных местах. Выбор пал на **Мурманский филиал института Ленгипроводхоз**. За Полярным кругом побывать удаётся не всем, это волнительно, даёт возможность испытать свои силы. Мне предстояло увидеть изнутри жизнь на Крайнем севере, которая оказалась не совсем такой, какой её описывали в книгах и изображали в кинофильмах.

Во второй половине 1970-х началось ускоренное развитие Крайнего севера и в первую очередь Мурманской области. В числе прочих задач была реализация плана по полному обеспечению области базовыми продуктами питания. Безумие хрущёвского кукурузного прорыва к тому времени уже рассеялось и забылось. Был разработан более-менее разумный план освоения новых земель для выращивания картофеля, кормовых трав. В условиях Мурманской области для этого подходили только болотные массивы, которые предстояло осушить. Головной проектной организацией по этому плану был выбран ленинградский проектный институт Ленгипроводхоз, с практически неограниченным финансированием работ. Условия оплаты труда на изысканиях были весь-

ма привлекательными. За сезон «на северах» можно было заработать столько, сколько ленинградский инженер того же уровня получал за год.

Мурманск в те годы находился на подъёме. Численность населения быстро росла за счёт прибывавших рабочих и специалистов со всех концов СССР. Город за полярным кругом выглядел не очень приветливо и совсем не уютно. Деревьев не было, голые сопки окружали город. Первое впечатление – обилие разных сортов рыбы в магазинах. В Ленинграде ничего подобного не было. Огромные рыбины-зубатки, висели на крюках. Палтус, морской окунь, угри, красная рыба всё стоило сущие копейки.

Задача нашего отряда, в котором я был единственным почвоведом, заключалась в изысканиях перспективных участков, их описании со сбором образцов. Впервые в жизни я оказался в положении высокой персональной ответственности. На основании моего заключения начинались дорогостоящие проектные работы и ещё более затратное, крупномасштабное строительство осушительных сетей.

В лучших традициях моих странствований, маршрут наших передвижений включил в себя почти все самые интересные, трудные для посещения места на Кольском полуострове.

Города Североморск, Полярные Зори, где только что была запущена Кольская АЭС, Апатиты, Кандалакша. Мончегорск, в котором в том году, на центральной площади города,

был установлен Памятник Первопроходцам Монче-тундры – мужик с кайлом, впечатление не для слабонервных, учитывая вполне очевидную планировку города на основе бывшего лагеря. Памятник простоял всего 4 года и был перенесён на въезд в город.

Основные изыскания проходили на территории Монче-тундры и Терского берега (название юго-восточного берега Кольского полуострова от устья реки Варзуги до мыса Святой Нос). Дорог там не было. Наш вездеход прошёл сотни километров по тундре, абсолютно безлюдной, по ковру из грибов и ягод, в том числе голубики, княженики и морошки, царской ягоды. Собрать ведро ягод было делом 10 минут. Настоящим приключением было посещение легендарной Умбы, старинного городка на Кандалакшском берегу Белого моря. Как пелось в народной песне, «Умба поле, Умба лес, Умба полная чудес». Местное коренное население – поморы, этнографическая группа русского старожильческого старообрядческого населения, происхождения древнего. Сохранили самобытные черты северного уклада жизни и колоритные отличительные внешние признаки.

Очень много разговоров и воспоминаний было о мошке (ударение в слове мошка на последнем слоге) и сёмге. Мошка насекомое мелкое, но крайне опасное. Пробирается под любую одежду, репеллентов от неё нет. Выгрызает кожу и слизывает кровь. Большие скопления мошки могут привести к гибели крупных животных. Бог миловал, мошка меня не

зажрала. Сёмга – это царская красная рыба, вкуснее её нет. В те годы рыбнадзор на Кольском полуострове работал на совесть, и даже в безлюдной тундре мужики боялись ловить и варить сёмгу.

Запомнилось посещение **Кандалакшского заповедника**, прогулка в Хибинах, гагачьи гнёзда, полные ценнейшего пуха, друзья аметистов, по которым приходилось пробираться.

Запомнилось посещение Кандалакшского заповедника, прогулка в Хибинах, гагачьи гнёзда, полные ценнейшего пуха, друзья аметистов, по которым приходилось пробираться. Богата Россия и обширна!

Всё время работы экспедиции, круглые сутки стоял полярный день. Первое впечатление ошеломляющее. Солнце начинает заходить, живописный закат, тени, всё как положено, но, коснувшись горизонта, солнце начинает восходить! Организм, который приготовился к вечернему отдыху, переходящему в ночной сон, должен взбодриться и радоваться утру. Ощущения ненормальные. Полярную ночь мне испытать не довелось, но рассказы местных жителей, особенно переехавших с южных областей, трагичны. Полярная ночь на Крайнем севере длится почти полгода, темно и холодно. Люди начинают сходить с ума, в смысле пить горькую и хандрить. Это главная причина преждевременных смертей за Полярным кругом. Недостаток витаминов и упадок духа приводят к выпадению зубов, волос, снижению остроты зрения

и прочим неприятным последствиям. При советской власти всех детей из Мурманской области в обязательном порядке, бесплатно, на летние каникулы вывозили на юг, в основном на Чёрное море.

В Кандалакше, по случаю приезда с проверкой начальника отдела, в нашей партии случился кратковременный запой, и все кадровые работники уехали в Мурманск. Мне там делать было нечего, я остался на базе один, завел знакомства с местными жителями и устроился на работу грузчиком в ОРС НОД-10, на базу снабжения продовольствием сети магазинов. Этот эпизод моей практики заслуживает отдельного рассказа, но я его опускаю.

Замечу, что мелочи быта и вообще материальная сторона жизни меня совсем не интересовали. Я совершенно не помню, что из личных вещей я возил с собой, скорее всего это был рюкзак с солдатским набором. Также не помню, какие удобства мы имели, где и что кушали. Это было неважно, наша жизнь состояла из главного – любимого дела и общения с достойными людьми, путешествия по прекрасной земле и ощущения себя полезным, нужным для общего дела, уважаемым коллегами и окружающими людьми человеком.

В конце моей мурманской практики я уже был полноценным, готовым к самостоятельной работе специалистом, востребованным в любой точке Советского Союза. В частности, я имел очётливое представление о живой природе и системе природопользования на территории Восточной Европы, от

берегов Баренцева и Балтийского морей до берегов Чёрного и Азовского, конкретную специальность, достаточно редкую и повсеместно признанную полезной и необходимой. В моих карманах шуршали трудовые рубли, которых, помимо житейских расходов на пятом курсе, хватило на достойные подарки маме и младшему брату. Экспедиционная жизнь пришлась мне по нраву, моё будущее как специалиста приобрело ясные очертания.

Глава седьмая

Из эпидемий в Ленинграде, в мою бытность в нём, наблюдался только грипп.

В 1970-х годах в Ленинграде разразились несколько сильнейших эпидемий гриппа. В 1972-1973 годах была зарегистрирована эпидемия гриппа А (H3N2), которым заболели около 30% населения.

В 1977-1978 годах вспыхнула эпидемия гриппа, которая была связана с реинтродукцией чрезвычайно опасного вируса серотипа H1N1, известного под названием «испанки». В 1918-1920 годах он поразил не менее 550 миллионов человек в ходе пандемии, одной из наиболее масштабных в истории человечества.

В 1979-1980 годах нагрянула эпидемия гриппа В, которая поразила около 10% населения города.

Многие болели тяжело, с осложнениями. Лечились в основном средствами народной медицины: лук и чеснок, которые не только ели, но и заталкивали в нос, вьетнамский бальзам "Звёздочка", водка. Популярными были порошки «Антигриппин», в состав которых входили аспирин, витамин С и димедрол. Все эти средства снимали симптомы, с болезнью боролся организм. Большой веры в них не было, люди просто ожидали, когда болезнь сама пройдёт. Поговорка тех лет: "Гриппом болеют семь дней, если лечиться, а если не

лечиться – неделю”.

Широкому распространению эпидемий гриппа способствовал тяжёлый северный морской климат.

Санкт-Петербург-Ленинград всегда славился повышенной влажностью воздуха и пронизывающими ветрами с Балтийского моря. Обилие осадков, лужи и слякоть, при отсутствии модельной водонепроницаемой обуви, заставляли нас ходить с постоянно мокрыми ногами. Галоши в то время уже никто не носил.

Первый год моей жизни в городе был для меня временем адаптации, которая осложнялась повальным распространением гриппа. Было такое ощущение, что все вокруг кашляют, чихают и соплят. Прогулять занятия было очень легко. Достаточно было прийти в университетскую поликлинику и заявить о высокой температуре. Выданный градусник можно было подогреть и показать дежурной медсестре – справка об освобождении от занятий обеспечена.

Санитарно-профилактические мероприятия в те времена широко пропагандировались, но не были обязательными, до ковида оставалось 48 лет, да и народ был не такой послушный и страшливый, как сейчас. Несомненно, иммунитет населения в целом был намного сильнее, чем у нынешнего. Положение сильно осложняла специфика Ленинграда – наличие в центральной части города большого количества «коммуналок», в которых часто на 16 комнат, то есть на 30-40 жильцов, приходилась одна кухня и одна уборная. Вдобавок

чудовищная давка в общественном транспорте, вечные очереди. Тем не менее, масок во время эпидемий никто не носил. Заставить людей носить в общественных местах маски, ограничивать их передвижение и контакты власти не решались, но и сложа руки не сидели.

Первая вакцина против гриппа была разработана в СССР в 1936-1938 годах. Во время войны и в послевоенные годы работы были приостановлены. Устрашающая по своему размаху эпидемия гриппа 1972-1973 годов заставила резко активизировать процесс создания отечественной противогриппозной вакцины. Главным научным учреждением, которому было поручено скорейшее исполнение работ, стал Ленинградский научно-исследовательский институт гриппа, который начал работать в 1967 году. Расположен он был недалеко от Университета, по адресу: ул. Профессора Попова, д. 15/17.

Для испытания вакцин, как известно, требуются подопытные. По неофициальным каналам, как именно не припомню, мы, студенты, узнали о весьма заманчивом предложении стать волонтерами в клинических испытаниях «вакцины мужества», как её тогда называли. Условия были сказочными. Всего за неделю испытаний в стенах Института гриппа, которую покрывал больничный лист, освобождавший от занятий, нам обещали комплексное обследование здоровья, улучшенное питание и около 100 рублей, что было огромной по тем временам суммой, – две с половиной стипендии.

Естественно, я со товарищи, моими лучшими друзьями, ничтоже сумняшеся и ничтоже бояшася, на это дело подписались. Обследование мы прошли успешно и были допущены к испытаниям. Ничего особенного. Все испытуемые – студенты, компания весёлая, занятая. Трёхразовое питание. С утра мы могли быть свободными, к вечеру обязаны были явиться в клинику, где проходили осмотр. Те, кто имел хоть какие признаки заболевания или повышенную температуру, с испытаний снимались. На ночь палату закрывали на ключ, выходить не разрешали, но оставляли целый титан горячего, вкуснейшего фруктового киселя и белый хлеб, тоже очень вкусный, в неограниченном количестве.

Утром дня начала испытаний доктор сообщил нам, что мы участвуем в испытании вакцины, которая будет защищать от всех видов гриппа. Добровольцы в этом деле совершают подвиг во имя спасения других людей. Проект принципиально новый, в какой-то степени опасный, посему мы идём на подвиг. Сама процедура заключалась в том, что в нос чем-то пшикнули. После этого каждый час медсестра измеряла температуру, даже когда мы спали. Выходить из палаты было нельзя целые сутки.

Никаких особенных ощущений я не испытал, температура оставалась нормальной.

С того дня я уже никогда в своей жизни не болел гриппом в настолько тяжёлой форме, чтобы пропускать занятия или не идти на работу. То же самое могу сказать о моих друзьях,

участвовавших в проекте.

Успешное завершение испытаний наша компания отметила в лучшем заведении Ленинграда всех времён – плавучем ресторане "Кронверк" что с 1971 года был пришвартован к правому берегу Невы у Петропавловской крепости. Ресторан этот размещался в настоящей баркентине «Сириус», построенной в Турку в 1947 году и отобранной у финнов в счет репараций, наложенных на Финляндию по условиям мирного договора.

После окончания Университета я восемь лет проработал в изыскательских партиях, в лесах, полях и болотных массивах. Обязательными были две прививки – от энцефалита и от столбняка. Прививки эти были специальные, очень дорогие и проходили в три этапа со значительными временными интервалами. Прививка от энцефалита, под левой лопаткой, до сих пор изредка побаливает, спустя сорок четыре года. Обе прививки имеют защитную силу до конца моей жизни.

Вирусология и санитарная эпидемиология в СССР в те годы, несомненно, были на высоте, по крайней мере в Ленинграде. Кроме гриппа не могу припомнить ни одного случая каких-либо инфекционных заболеваний в студенческой среде, даже пищевых отравлений, при том, что в общежитии мы жили довольно тесно – 4-5 человек в одной комнате площадью 20 квадратных метров, общие туалет и кухня на этаже.

К сожалению, достоверная научная информация о достижениях отечественной вирусологии всегда была и остаётся

государственной тайной, наряду с правдивой информацией об эпидемиях.

Глава восьмая

Когда я перешёл на второй курс биофака Ленинградского государственного университета, у меня появилось желание и возможность пожить вне шумного студенческого общежития, на съёмной квартире. Лишних денег у меня не было, но двое моих друзей, которые сняли большую комнату в коммуналке, в центре Ленинграда, пригласили меня пожить с ними. Предложение было заманчивое. Общежитие биофака находилось в Старом Петергофе, это полтора часа езды до Университетской набережной, где мы учились, а от дома, где квартировали мои друзья – десять минут пешком. Предложение я принял.

Комната размещалась в знаменитом трёхэтажном особняке Голицыной на углу улиц Дзержинского (Гороховой) и Гоголя (малой Морской), известном как Дом Пиковой дамы. Построен он был в XVIII веке, неоднократно переходил от владельца к владельцу, надстраивался, обрастал флигелями, каменной оградой и даже садом.

Тем не менее, описанный А.С. Пушкиным, он и сегодня вполне узнаваем.

Сам Александр Сергеевич в 1832—1833 годах жил неподалеку и дом этот знал лично. Он снимал квартиру из 12 комнат, а также конюшню и сарай для экипажей на Гороховой улице, в доме № 14. Пушкин неоднократно бывал в

особняке Голицыной, пока старая княгиня, недовольная его вольнодумными стихами, не отказалась его принимать.

По сей день можно видеть окна третьего этажа, где Пушкин «поселил» Лизу – воспитанницу старой графини из «Пиковой дамы». Внутри дома сохранились как парадная четырёхмаршевая лестница, так и боковая – винтовая, по которой в повести поднимается Герман.

Современный адрес дома – Гороховая 10. Улица Дзержинского была переименована обратно в Гороховую в 1991 году.

Комната, в которой мы жили, вполне соответствовала уровню петербургского особняка и была в хорошем состоянии. Период пребывания в ней для меня запомнился незаурядным событием, очевидцем которого мне довелось стать, а именно мощным разливом реки Невы, вызванным нагонной волной с Финского залива, что стало причиной серьёзного наводнения.

Случилось это осенью 1975 года, в ночь с 28 на 29 сентября.

28 сентября в 1975-м выпало на воскресенье. На следующий день, в понедельник 29 сентября, должно было состояться моё первое занятие на военной кафедре ЛГУ, которая располагалась через дорогу от биофака, в здании исторического факультета. Надлежало явиться туда чистым и опрятным, коротко подстриженным. Стричься мы не стали, тогдашние студенты причёскам уделяли особое внимание. Я

готовился к неприятному разговору, но первое занятие на военной кафедре не состоялось. Природная стихия воспрепятствовала.

Наводнения в Петербурге-Ленинграде в большинстве случаев связаны с сильным, устойчивым ветром с Балтийского моря.

Не помню, как мы узнали или догадались о надвигающемся наводнении. Телевизор мы не смотрели, радио не слушали. Помню, как мы вышли на Дворцовую набережную к Зимнему дворцу (пять минут ходу от нашего дома). Была уже ночь. Народу на улицах не было видно, общественный транспорт не ходил. Дворцовый мост не был разведён, и мы пошли на него. Стояли на середине моста, откуда открывается потрясающая панорама исторического центра города, смотрели, как свинцового цвета речные волны бегут вверх по Неве. Хорошо было видно, как вода поднимается по стенам гранитной набережной стрелки Васильевского острова, и как она начинает разливаться вокруг зданий Кунсткамеры и Университета, куда мне предстояло на следующий день явиться.

Холодно не было, ветер был сильным, но не пронизывающим. Торжественное чувство причастности к чему-то необычному, великому заполняло душу. Вспоминались строки пушкинского “Медного всадника”, в котором было описано самое страшное наводнение в Петербурге, благо сам Всадник был на виду. Немного страшно стало, когда

серая невяская вода стала быстро подниматься под пролётом моста, всё ближе к нашим ногам. На мосту, кроме нас, никого не было.

Всё же мы решили дождаться развязки, увидеть наводнение в его полной красе. Когда вода хлынула на левый берег, мимо Зимнего дворца и пошла вверх по Невскому проспекту, мы поняли, что пора ретироваться. Благо тротуары ещё не были залиты водой, мы быстро добежали до дома. Вот так я окунулся в атмосферу сразу двух знаменитых поэм А. С. Пушкина на их исторических местах.

На следующий день мы узнали из газет, что это было пятое в истории города по высоте подъёма воды наводнение. К четырём часам утра 29 сентября 1975 года вода достигла максимума, поднявшись на 2 метра 70 сантиметров выше ординара по Кронштадскому футштоку. Вода залила Васильевский остров, Петроградскую сторону, Ждановский, Октябрьский районы, был затоплен Сестрорецк. Работа десяти крупных заводов была остановлена. Высокий уровень воды держался почти два часа. На станции метро «Горьковская» создалась аварийная ситуация – вода хлынула на станцию.

Васильевский остров был полностью покрыт водой. Подвальные помещения во многих районах затопило, материальный ущерб был значительный. Здание Двенадцати коллегий, где размещался мой родной биофак и соседнее здание истфака, где находилась военная кафедра ЛГУ, были закрыты, занятия отменены.

Никто во время наводнения не погиб, а в ленинградском зоопарке в эту ночь даже родился жирафёнок.

В конце 1980-х – в начале 1990-х в Ленинграде, а затем в Санкт-Петербурге развернулась острая дискуссия на тему нужны ли городу инженерные сооружения в Финском заливе для защиты его от нагонных наводнений. Существовала сильная оппозиция строительству дамбы в Финском заливе под предлогом неминуемой экологической катастрофы после завершения проекта. Строительство дамбы сильно затормозилось. Горячие головы даже требовали разобрать уже построенное.

В то время я уже был активным участником природоохранного движения, выступал в прессе, на телевидении. Строительство дамбы я поддержал, хотя это вредило моему реноме молодого, непримиримого, весьма перспективного активиста. Как специалист я прекрасно понимал, что дамба это единственный шанс защитить Ленинград-Санкт-Петербург от разрушительных наводнений, сила которых с годами нарастала по причине глобального потепления.

В 2011 году дамба была принята в эксплуатацию и в ноябре того же года доказала свою эффективность, приняв на себя удар очередного мощного наводнения. Сегодня уже никому не придёт в голову отрицать необходимость дамбы и её значение для Санкт-Петербурга.

Глава 9

После моего успешного завершения курса обучения в Ленинградском государственном университете и прохождения военных сборов, мне выдали диплом, присвоили звание лейтенанта артиллерии в запасе, и осенью 1979-го я приступил к работе в Ленинградском областном государственном проектном институте Севзапгипрозем, в должности инженера-почвоведа. Отдел наш размещался на втором этаже трёхэтажного здания по адресу: Исаакиевская площадь, 4, на восточном краю площади, у памятника императору Николаю I. До революции это здание принадлежало Министерству земледелия. При советской власти здание занимала академия ВАСХНИИЛ, в нём до ареста работал президент академии Николай Вавилов. Здание хорошо сохранилось, вплоть до бронзовых дверных ручек и работающего с шумом и грохотом дореволюционного лифта.

Устройство нашего отдела, по-видимому, также сохранялось с тех времён, ведь изыскательские партии всегда консервативны. Спартанская обстановка, ничего лишнего, никаких портретов и украшений. Канцелярские столы стояли в три ряда в ширину и четыре в глубину. В последнем ряду, вдоль глухой стены, сидели – по центру начальник отдела, по правую и левую руку – начальники отрядов. Они наблюдали за подчинёнными. Большая комната была проходной в ма-

ленькую, женскую комнату, где уютно помещались наиболее опытные, немолодые сотрудницы, занимавшиеся расчётами. Окна выходили юг, с прекрасным видом на Мойку и Синий мост, за которым высился Мариинский дворец. В подвале здания работала лаборатория. Высокое начальство наш отдел никогда не посещало, работали тихо, по семейному, без напряжения, выполняли и перевыполняли добровольно взятые на себя социалистические обязательства. Работа нашего отдела делилась на два сезона: летний полевой и зимний камеральный.

В первый год работы я ещё застал счёты и арифмометры, которые вскоре были заменены на калькуляторы. Отчёты писали от руки и отдавали в печать машинисткам. Оригиналы карт вычерчивали стальными перьями и тушью, работа утомительная и для зрения не очень полезная. Никто не унывал, ибо корпеть в четырёх стенах предстояло только до весны, в апреле долгая и мрачная ленинградская зима заканчивалась и начиналась жизнь радостная, привольная, полная приключений. Большую часть года, с мая по ноябрь, мы проводили на свежем воздухе, в экспедициях.

1980-й для меня стал первым полным годом моей новой работы. Это событие было волнительным, а тут ещё нагрянула первая в России летняя Олимпиада.

Ленинград стал олимпийским городом. Кроме Москвы, соревнования проходили в Ленинграде, Таллине, Киеве и Минске. Таллинские власти «подсустились» больше всех и

им досталась парусная регата, все олимпийские соревнования по парусному спорту, с церемонией награждения победителей на месте. Ленинградские власти оказались менее расторопными и получили только предварительные игры и четвертьфиналы футбольного турнира.

Важным политическим обстоятельством было то, что в своё время генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза Никита Хрущёв официально заявил, что в 1980 году советский народ будет жить при коммунизме, когда "от каждого по способностям и каждому по потребностям", другими словами в обществе изобилия и всеобщего равенства и счастья. Таким образом 1980 год стал экзаменационным годом для всей правящей коммунистической партии, а приехавшие на олимпиаду иностранцы – экзаменаторами. Посему партийные функционеры готовы были в лепёшку расшибиться, но провести олимпиаду на высшем уровне.

Полевой период у нас начинался в мае. Открытие Олимпиады было назначено на 19 июля.

Как молодому специалисту, мне крупно повезло. Практически безграничное финансирование государственных программ, направленных на освоение новых и восстановление заброшенных земель, позволило в то время приступить к масштабному, не имеющему аналогов в отечественной истории изучению природных богатств государственного лесного фонда. Ленинградская область финансировалась особен-

но щедро. Наша задача состояла в изучении, описании и картировании земель, покрытых лесами и болотами, а также заброшенных, заросших лесом и кустарником, бывших сельскохозяйственных, которые выпали из оборота после 1861-го, 1941-го и 1961-го годов. Наш институт выполнял геологическое, геоботаническое и почвенное обследование сотен тысяч гектаров земель, большая часть которых до нас не обследовалась никогда.

Картирование очень близко к священнодействию, потому что оно сохраняет память и никому не ведомо, кто, когда и для чего использует составленную вами карту. Профессионально исполненная, на основе полевых работ, карта несёт на себе море полезной информации о нашем бренном мире, полный объём которой понятен только специалистам.

Первым моим объектом стал Ломоносовский район Ленинградской области. Район интересный, приморский, создаёт приподнятое настроение. Он вытянут с востока на запад вдоль южного побережья Финского залива, на востоке граничит с Ленинградом, а на западе – с Эстонией.

Наша полевая база находилась в деревне Лопухинка. Место живописное, знаменитое своими радоновыми источниками и озёрами. Здесь выходят на поверхность земли радоновые родники, которые формируют водоток реки Лопухинка. В результате слияния родников образуется каньонная долина глубиной до 30 метров. Вода в озерах и родниках считается целебной, так как в ней высокое содержание радона,

и мы эту возможность не упустили.

Поскольку Ломоносовский район был пригородным, на выходные мы возвращались в Ленинград. Примерно за месяц до начала Олимпиады город начал сильно преобразовываться, очищаться и прихорашиваться. Резко ограничили движение транзитного транспорта. Нас это не касалось, поскольку наш отдел располагался на Исаакиевской площади, в здании ВАСХНИЛа и наш УАЗик имел пропуск Леноблисполкома.

В олимпийском городе Ленинграде навели образцовый порядок. Исчезли с глаз долой все "антисоциальные элементы", в том числе и легендарные ленинградские гопники, которых до этого никто не мог приструнить, даже Сталин. Потёртые, пьяные, шумные и весьма колоритные личности в компании развязных, причудливо одетых дам, уже не топтались в подворотнях и не тёрлись возле рюмочных.

В дни Олимпиады автомобилям очень трудно было проехать в центр города. Невский проспект, мосты через Неву были непривычно пустыми. Запомнилось обилие флагов, транспарантов, плакатов и прекрасная, солнечная погода, что для Ленинграда большая редкость.

Впрочем, об Олимпиаде 1980 уже написано предостаточно, добавлю лишь интересные, малоизвестные подробности событий, как забавных так и трагических, свидетелем которых мне довелось стать.

Единственной олимпийской трассой на территории Ленинградской области было Таллинское шоссе, связавшее

олимпийские города Ленинград и Таллин. Для нашей экспедиции Таллинское шоссе было основной трассой, по которой мы ежедневно выезжали на маршрут и возвращались на базу.

Магистраль в те времена была не ахти какая, но по случаю Олимпиады её привели в относительный порядок. Неказистые строения и руины, мозолившие глаз проезжавших, убрали. Бурьян и кустарник по обочинам выкосили и вырубали, запретили стихийные торговые точки. Невиданным до того новшеством стали придорожные кафе с полным самообслуживанием, чистые, светлые, вполне цивилизные. В них я впервые в жизни увидел и попробовал чай и кофе в пакетиках, одноразовую посуду и столовые приборы. До этого не заваренный, а сваренный чай в заведениях общепита разливали исключительно из громадных титанов.

Но самым интересным было зрелище «потёмкинских деревень». Как известно, русские деревни всегда строились линейно, дома вытягивались вдоль берега реки или проезжей дороги. Соответственно, по обеим сторонам Таллинского шоссе тянулись одноэтажные дома, точнее избы, в большинстве своём деревянные. Со стороны проезжавших на большой скорости наблюдателей они выглядели весьма прилично, со свежеекрашенными яркими красками фасадами, крышами и заборчиками.

В один прекрасный день мы остановились в одной из таких деревень, чтобы набрать воды из колодца. Я решил пройтись. Поравнявшись с одним из домов, я замер от неожидан-

ности. Потемневший, не в очень хорошей форме сруб был прикрыт декоративным фасадом, несколько большим, чем настоящий фасад. Декорация была укреплена распорками. Именно этот нарядный фасад был виден со стороны шоссе. Вот так я совершил короткую экскурсию во времена царствования Екатерины II. Русский народ изменить не так просто.

В то же олимпийское лето мне довелось столкнуться с ещё одним событием, напрямую вроде как и не связанным с Олимпиадой, но, если подумать, весьма глубокая связь очевидна.

Вторым нашим объектом стал Кировский район Ленинградской области, простирающийся к югу от Ладожского озера. Район этот знаменит прежде всего памятниками и местами воинской славы: Шлиссельбургская крепость, Невский пятачок, Ивановский пятачок, Синявинские высоты и Синявинские болота.

Близкий к Ленинграду, пригородный Кировский район поразил меня своей довольно дикой природой. Пройдя несколько сотен километров пеших маршрутов по его лесам и болотам, я ни разу не встретил человека. Кроме того, я заметил, по следам, что за мною несколько дней скрытно следовал медведь, из любопытства, конечно.

Известен был Кировский район и тем, что в его пределах регулярно находили неразорвавшиеся бомбы, снаряды и боеприпасы. Помню чуть ли не ежедневные в летний сезон за-

метки в областных газетах, типа: «Грибники в Кировском районе решили сделать привал, развели костёр. Последовал взрыв. Прибывшие на место сапёры обнаружили склад боеприпасов». Трактористы отказывались обрабатывать некоторые поля, ибо неразорвавшиеся бомбы и снаряды на них встречались так же часто, как и камни. (Подрывы механизаторов на полях Кировского района случались до конца 1980-х).

Причина такого тяжёлого наследия войны в том, что из пяти попыток прорыва Ленинградской блокады четыре случились на территории Кировского района, на участке шириной всего 16 км. Немцы называли его Бутылочным горлом, а русские – Шлиссельбургско-Синявинским выступом. Непосредственное боевое соприкосновение войск здесь происходило на участке шириной всего 3 км, с небольшими подвижками то в одну, то в другую сторону. Здесь воевало народное ополчение, цвет Ленинграда, здесь они и лежат. Накал и ожесточение боёв на этом маленьком участке не имеет аналогов в истории человечества. 14 января 1943 года именно в районе Синявинских болот был впервые подбит и захвачен советскими войсками тяжёлый немецкий танк «Тигр» Т-VI.

Читатель наверняка спросит: “А при чём здесь Олимпиада 1980? Где связь?” Объясняю.

Память о Великой Отечественной вещь настолько серьёзная, что может проявляться самым необычным образом, в самое неожиданное время.

Такое ужe случилось в 1955-м, в Москве, где на стадионе “Динамо” сошлись в схватке сборные футболистов СССР и Западной Германии. В то время руководству СССР позарез нужно было как-то улучшить отношения с Германией. Матч был предельно политизированным и задуман как демонстрация хороших отношений и всепрощения. Членам сборной Германии, до начала матча, прямо на поле, вручили букеты цветов. Но тут случилось непредвиденное. Со всей Москвы к стадиону стали прибывать бывшие солдаты ВОВ, калеки, без ног, без рук, на дощечках с шарикоподшипниками. Билетов у них не было, но не пустить их на стадион контролёры и охрана просто не могли. Молодые солдаты на руках внесли ветеранов и рассадили по краю поля. Матч сразу приобрёл совсем другое значение. Русские его выиграли.

Первый же день моей полевой работы в Кировском районе оказался более чем интересным. Работали мы так: на машине подъезжали к началу пешего маршрута, далее шли в разные стороны, по одиночке, по лесной дороге или тропинке, время от времени отходя в стороны, чтобы заложить шурф или разрез и взять образцы.

На первых метрах первого же захода в лес мне сразу бросилась в глаза раскуроченная рация. Дальше – воронка с грудой металла на дне, то тут, то там – каски, котелки, фрагменты костей. В сосновых лесах на песках травяной покров редкий и невысокий, посторонние предметы хорошо видны. Я ничего не трогал. По рассказам грибников, многие годы в

некоторых местах Синявинских высот грибов не было видно под сплошным ковром человеческих костей, ботинок, остатков шинелей, телогреек и прочего военного скарба. Аналогичную картину мне позже довелось наблюдать на Невском пяточке и на Зеленецких островах в Ладожском озере, где невозможно было воткнуть лопату в землю, так она была напшигована осколками бомб и снарядов. А наши бойцы держали в этих местах оборону несколько лет.

Углубившись почти на сотню метров, я остановился как вкопанный – передо мной из земли торчал хвост самолёта Мессершмитт, обломок ростом выше меня, неплохо сохранившийся, с крестом на руле. Не по себе мне стало, я развернулся, пошёл назад, к дороге. Разрезы и шурфы копал только в случае крайней необходимости, тщательно изучая каждый сантиметр земли перед тем, как копнуть.

Так состоялось моё знакомство с Синявинскими высотами.

Навсегда врезался в память день, когда я вышел на границу высот с Синявинскими болотами. Маршрут пролегал по лесной дороге, сухой, в отличном состоянии, на песках. День был тёплый, шагалось легко. Двигался я в южном направлении, сквозь сосновый лесок.

По краям дороги шли глубокие придорожные канавы. Краем глаза я заметил в них что-то необычное. Подошёл к канаве и увидел, что дно канавы на всём видимом протяжении густо покрыто костями в хорошем состоянии, видно бы-

ло, что на открытом воздухе они лежат недавно. Некоторые из костей были необычно крупными. Лошадиные? Присмотрелся внимательнее – пожалуй человеческие, берцовые кости великанов. Попадались и черепа, молодых людей, с удивительно хорошими зубами.

Раздумывая об этом, я зашагал дальше. По краям дороги, в развороченном песке, стали попадаться присыпанные песком кожаные сапоги, остатки полевых сумок, обмундирования, всё в прекрасной сохранности. Значит, лежали в сухом песке. Кто их выкопал и зачем?

Перпендикулярно к дороге, справа и слева, густо пошли остатки оборонительных сооружений – траншеи, блиндажи, укрытия, ряды колючей проволоки на столбах, все практически в рабочем состоянии. В какой-то момент картина стала настолько чёткой, что возникло ощущение, что это настоящая война, что сейчас я увижу солдат, услышу звуки выстрелов и разрывов. Когда я вышел на край высот, моему взору открылся безкрайний ковёр верхового болота с редкими кустиками и чахлыми деревцами, простирающийся до самого горизонта.

Вот по этому гиблому болоту, на протяжении более трёх лет, ежедневно прорывались под вражеским огнём, ползли, тащили на себе технику, орудия и снаряды наши солдаты, шли на штурм Синявинских высот, где засели отборные гитлеровские войска. Максимальная высота Синявинских высот всего 30-40 м, но в условиях Приладожья, с его ровным

как стол рельефом, даже 20 м возвышенности давали огромное преимущество занимавшим их войскам.

Склон высоты, сбегаящий к болоту, производил дикое впечатление: везде, насколько хватало глаз, земля была вздыблена, перекопана и вывернута наизнанку. Когда-то здесь стояла дивизия СС «Полицай», которую сами же немцы прозвали «дивизией дубовых крестов». В Синявине ее перемололи полностью, только за два месяца боев дивизия потеряла половину списочного состава. Вот и объяснение феномену необычно больших костей – известно, что в войска СС набирали самых рослых.

Пока я обозревал просторы Синявинских болот, задул южный ветер, низкие свинцовые облака устремились к Синявинским высотам, двигались прямо на меня, очень низко. Никогда не забуду душевного состояния печали, тревожного проникновения в прошлое, которое я тогда испытал. Ощущение было такое, что я нахожусь в абсолютном одиночестве, в ином, потустороннем мире.

Позже выяснилось, что в ходе подготовки к Олимпиаде пытались облагородить воинские захоронения, в том числе и немецкие, на случай если гости Олимпиады из Германии попытаются их осмотреть. Времени и средств не хватило, по-сему было принято простое решение – немецкие воинские кладбища заровнять бульдозером, и концы в воду.

До 1980 года в нашем народе ещё сохранялось уважение к кладбищам, пусть и немецким, некоторый подспудный,

неосознанно религиозный страх перед мертвецами. Массовые раскопки не велись. Но когда люди увидели бульдозеры на кладбищах, они восприняли это как сигнал, что теперь всё можно. «Чёрные копатели», ничтоже сумняшеся, ничтоже бояшеся, развернули поиски артефактов, оружия, наград, драгметаллов.

Много лет спустя мне довелось беседовать с одним из таких копателей. Он похвастался накопанными артефактами. Одних серебряных эсэсовских перстней с черепами у него было два больших чемодана, также оружие всех видов. Особенно любопытными для меня были подлинные документы, в частности штаба 2-й ударной армии, приказы, подписанные генералом Власовым. Как объяснить то, что советская власть всем этим не занималась, почему отдали раскопки на поток и разграбление чёрным копателям?

Именно на эти раскопки я и натолкнулся на Синявинских высотах в 1980 году. Размах раскопок был настолько велик, что получил широкую огласку в СССР и за рубежом. Постановлением Совета Министров РСФСР от 1982 года, Синявинские высоты были объявлены мемориальной зоной, где любая деятельность, связанная с раскопками, была запрещена. Постановление это действительно и до сего дня.

Организованные, официальные поиски и захоронения павших солдат на территории Кировского района начались только в 1990-х, по личной инициативе поисковиков, на безвозмездной основе.

А в дни Олимпиады 1980, когда мы радовались спортивным достижениям наших спортсменов, умилялись олимпийскому мишке, взмывшему в небо, сотни тысяч наших бойцов лежали, безымянные и непогребённые по-людски, по лесам и болотам Кировского района. Никто не забыт, и ничто не забыто. Поисковики работают и по сей день, конца их работе не видно.

По молодости и глупости, я собирался прихватить из Кировской экспедиции на память эсэсовскую каску, штык-нож и другие найденные занятные артефакты, но ничего не прихватил, оставил на месте, хватило на это ума.

Глава 10

Из моих экспедиционных приключений самым необычным, пожалуй, является то, как я, со товарищи, оказался в эпицентре торнадо, или смерча.

Произошло это в июне 1981 года, на территории Лужского района Ленинградской области. Этот очень милый, чисто русский район с древнейшей историей и прекрасной живой природой, слабо заселён и недостаточно изучен.

В том году полевой сезон у нас начался пораньше. Лужский район самый южный из всех районов Ленинградской области, и климат его заметно отличается в более тёплую сторону.

Наша экспедиция проводила сплошные комплексные обследования и картирование земель гослесфонда. Земли эти составляли около половины всей территории Лужского района. Здесь сохранились участки коренных, девственных сосняков и ельников, чрезвычайно живописных, особенно в сочетании с красными девонскими песками на обнажениях по берегам рек и ручьёв.

Погода стояла тёплая и солнечная. Мы решили отработать ключевой участок. Разбили лагерь в красивейшем месте к юго-западу от Луги, на сухой возвышенности, покрытой лесом из корабельных сосен (высоких, с идеально ровными и прямыми стволами).

С утра пораньше отправились по маршруту. Передвигались мы на машине УАЗ-452-Д фургон. Это полноприводной малотоннажный грузо-пассажирский автомобиль повышенной проходимости, производился на Ульяновском автомобильном заводе. Фургон был с небольшими окошками и единственной задней дверью, вместительностью 7 человек. Машина неказистая, без комфорта, но в умелых руках весьма надёжная и поразительно проходима. На ней мы проезжали тысячи километров по лесам, пескам и болотам, если где и застревали, то быстро выбирались с помощью лопаты и валежника.

День выдался солнечный, безоблачное голубое небо, начало июня, лес оживает, молодая зелень радует глаз. В полдень стало жарко, даже слишком и вскоре установился полный штиль, затишье, безветрие. Лес умолк.

Небо начало темнеть, затянулось грозowymi тучами и приобрело оливково-серый цвет. Воздух заметно посвежел, жара сменилась прохладой.

Наш начальник партии сидел в кабине. Видимо, он что-то увидел или почувствовал. Машина остановилась на большой поляне, окружённой соснами. Мы открыли заднюю дверь фургона, чтобы выскочить, размяться. Вот тут через проём двери я увидел странную картину.

Высокие сосны вокруг поляны в полном безмолвии начали медленно клониться к земле против часовой стрелки. При этом наша машина как бы находилась под прозрачным купо-

лом, куда не проникали звуки и движения воздуха.

Сосны клонились всё ниже и ниже, и через несколько секунд некоторые из них стали переламываться примерно на высоте 2-3 м от земли, а некоторые из них чудовищная невидимая сила вырывала с корнями, поднимала над землёй в горизонтальном положении и мчала против часовой стрелки выше и выше.

Страшно не было. Было ощущение того, что мы просматриваем кинофильм, и нам ничто не угрожает.

Так оно и было. Мы находились точнёхонько в эпицентре торнадо (смерча), атмосферного вихря, который образует хобот, спускающийся до поверхности земли, шириной 200-400 м. Вот в этом хоботе мы и сидели под крыльями ангелов-хранителей. Ни одной капли дождя за всё время вихря на нас не упало.

Происшествие было настолько необычным, выдающимся для каждого из нас, что мы, ошеломлённые увиденным, даже не пытались осмотреться, обсудить увиденное и, как только ветер утих, поспешили на базу.

Позже из газет я узнал, что Лужский смерч 1981 года прошёл по лесным, незаселённым территориям, жертв и разрушений не было, за исключением нескольких сараев и сортиров. Лес был повален широкими полосами на протяжении сотен метров.

Вполне возможно, что участники нашей экспедиции оказались единственными очевидцами Лужского смерча 1981

года.

На этом я завершаю повествование о днях моей беззаботной молодости. В возрасте двадцати пяти лет мне пришлось погрузиться в бурю опасных, непредсказуемых событий, связанных с формированием новой России и становлением моей зрелой жизни, полной опасных испытаний.

Глава 11

Первые три года моей работы в качестве инженера-почвоведов были насыщены приключениями. Как молодого специалиста-комсомольца, руководство часто направляло меня в командировки для выполнения спецзаданий, иногда неожиданных, что многому меня научило.

Жизнерадостный лесник Петрович, из деревни Захонье Лужского района, в обмен на литровую банку чистейшего лабораторного спирта обучил меня искусству заготовки изумительных новогодних ёлок для сотрудников нашего института, не отходя далеко от его дома.

На подшефной овощебазе Выборгского района опытные работницы научили меня варить легендарное советское повидло и поведали мне важный секрет происхождения великолепного десертного вина, которое таинственные люди каквказского обличия разливали в любую тару прямо из железнодорожных цистерн на овощебазе, всем желающим и платёжеспособным.

В комсомольском отряде по уборке урожая в Волосовском районе, благодаря моему полевому опыту организации подрядных работ, мне удалось аккуратно отодвинуть в сторону официально назначенных сверху горе-руководителей, разбудить сонное царство и сподвигнуть вялых, одуревших от безделья комсомольцев на ударную работу. В итоге председа-

тель совхоза в нас поверил, я заключил с ним устный договор, отряд и каждый его член в отдельности заработали довольно приличные деньги, о которых до меня комсомольские вожаки и не мечтали.

В качестве народного дружинника я участвовал в поддержании общественного порядка в городе Ленинграде. Участок нашей ответственности включал исторически самый беспокойный, проблемный сектор города, внутри прямоугольника с границами по Невскому проспекту-Лиговскому проспекту-Кузнечному переулку и улице Марата. Довелось участвовать в задержании преступников, хулиганов и грабителей, но в основном посещать коммунальные квартиры, откуда постоянно поступали вызовы, связанные с драками, пьяными дебошами и массовыми сварами на кухнях. Всякого насмотрелся. Народ в этих коммуналках, где на 16-20 комнат приходилась одна уборная, жил в настоящем аду, в котором парализованные дети ежедневно наблюдали дикие выходы потерявших человеческий облик алкоголиков, а беспомощные старики вынуждены были жить через стенку с убийцей их дочери, драки на кухнях сковородками, жилой фонд, который не ремонтировался с царских времён.

Настоящим испытанием, весьма опасным и поучительным, стала моя работа на ударной комсомольской стройке, последней если не в СССР, то уж на Северо-Западе России точно.

Первого февраля 1982 года меня зачислили бойцом ком-

сомольского отряда в Парголово, что на северной окраине Ленинграда. Строили крупнейший в стране мясокомбинат, который должен был обеспечить всем ассортиментом мясной продукции город-герой Ленинград. Это был последний год правления Л.И.Брежнева, и СССР уже входил в раздрай.

Политика руководства СССР по искусственному сдерживанию цен к тому времени привела к дефициту товаров, начались перебои с продовольствием, что весьма раздражало население. Отпускная цена мяса в конце 1970-х годов была в 2—3 раза ниже цены его производства, и производители не были заинтересованы в наращивании его объёмов. В Ленинграде серьёзных проблем с продовольствием не наблюдалось, но в Северо-Западном регионе в целом положение было аховым, даже самой дешёвой колбасы в достаточном количестве не хватало. Народ возмущался.

Для исправления положения мудрое руководство страны разработало Продовольственную программу, которая была принята на майском пленуме ЦК КПСС 1982 года. Партийная верхушка Ленинграда и области знала о готовящемся событии и решила отличиться. Через несколько месяцев после принятия Программы они планировали с помпой запустить Парголово́ский мясокомбинат и пожать лавры отличников-передовиков со всеми вытекающими приятными последствиями в виде государственных наград и повышений.

Для создания прочных гарантий успеха, в числе прочих мер, опытные партийные бонзы добились объявления строи-

тельства Парголовского мясокомбината ударной комсомольской стройкой, что должно было гарантировать приток необходимой "рабсилы". Стройку обеспечили новейшей импортной техникой, невиданными по мощности бульдозерами и экскаваторами, производства Фиат, Камацу и Катерпиллар.

Февраль в Ленинграде это самый холодный месяц, с пронизывающими ветрами. Строительная площадка комбината располагалась в чистом поле. Несколько хорошо обогреваемых вагончиков, в одном из них штаб комсомольского отряда. Комиссар комсомольского отряда, весьма вежливый, располагающий к себе молодой человек, занимался изготовлением стенгазет и написанием отчётов. Радужно поприветствовав вновь прибывших бойцов, он передал нас в распоряжение мастера Фёдора, простого мужика лет 30-40, со скорбным, несколько удивлённым выражением лица.

Как выяснилось позже, за месяц до нашего появления случился инцидент. Крановщик Степаныч, кряжистый мужик неопределённого возраста, с багрово-синим носом, находящийся в стабильном сумеречном сознании, опустил на спину Фёдора железобетонную плиту для перекрытий. К счастью, рабочие из бригады Фёдора находились неподалёку. Они быстро подскочили и общими усилиями умудрились снять со спины своего начальника плиту, которая почти что его раздавила.

На советских стройках того времени действовал неписанный закон круговой поруки. В случае подобных инциден-

тов, связанных с нарушениями правил техники безопасности, происшествие скрывалось от высшего начальства и инспекторов. Пострадавший брал больничный, а виновник, в данном конкретном случае Степаныч, выплачивал пострадавшему неустойку. Делалось это для того, чтобы избежать никому не выгодного разбирательства контролирующих органов, которое могло закончиться весьма печально для многих работников и высокого начальства.

Мастер Фёдор от последствий инцидента до конца ещё не оправился и по этой причине имел скорбное выражение лица.

В целом обстановка на стройке с точки зрения безопасности была ужасной. Инструктажа мы не прошли, никакого защитного снаряжения нам не выдали, даже строительных касок, на головах мы имели только матерчатые подшлемники. Обувь была самая простецкая, не специальная, кирзовые сапоги да валенки. Почти каждый день что-то происходило, слава Богу не с нашей бригадой. То длинная и толстая доска упадёт вертикально с верхних этажей и, спружинив, отскочит в кого-нибудь, то кого-то придавит грузовиком. Уверенно могу сказать, что два месяца, проведённые на комсомольской стройке, были самыми опасными в моей жизни.

Наша комсомольская бригада состояла из людей самых разных. Звено, в котором я работал, вместе со мной насчитывало шесть человек примерно одного возраста, до 25 лет: Сергей, грубоватый, физически крепкий молодой мужик,

которого отчислили из института за его циничные высказывания по поводу комсорга, погибшего под колёсами агитационного грузовика на первомайской демонстрации.

Рома, молодой архитектор, сын партийного инструктора из Смольного, сибарит и любитель рок-музыки, прямо скажем не большой энтузиаст тяжёлого физического труда. В настоящее время проживает в Нью-Йорке.

Юра, приятный в общении, скромный, небольшого роста танцор из ансамбля русского народного танца. Он был единственным мужчиной в ансамбле, к тому же обладал очень крепкими ногами, что позволяло ему совершать высокие прыжки на сцене, посему был чрезвычайно востребован, часто гастролировал за рубежом, посетил две последние Олимпиады в качестве выступающего артиста.

Типичный ленинградец Никита, до предела разбалованный, так и не повзрослевший, вечный ребёнок. На обеих руках в общей сложности у него недосчитывалось шесть пальцев и руки работали не совсем хорошо (последствия манипуляций с боевой гранатой, найденной в лесу в процессе раскопок на Линии Маннергейма). Мать его погибла при весьма странных обстоятельствах после ссоры с сыном, под колёсами трамвая.

Софа, подвижная, миниатюрная, безстрашная девушка, очень хотела во всём быть наравне с мужчинами, но у неё это, по понятным причинам, не получалось.

Положа руку на сердце признаю, что наша бригада не со-

ответствовала образу и подобию комсомольской бригады, каким его рисовали в советских художественных фильмах.

В первый же день мы познакомились поближе с местным рабочим классом. Мороз стоял жуткий и мы каждые полчаса отогревались в вагончике. При первом же отогреве мы столкнулись с группой развязных юнцов, которые сидели вокруг печки, возможно уже "под шафэ". С сальными шуточками и грязными ругательствами они потребовали, чтобы мы, «комсомольцы», освободили их вагончик. С момента моего совершеннолетия, я никому, ни при каких обстоятельствах, не позволял в общении со мной материться. Пришлось мне схватить заводилу за шиворот и вытащить из вагончика, положить на лёд замёрзшей лужи и доходчиво объяснить правила поведения в приличном обществе. Больше мы этих горе-строителей не видели.

Участок работы нам выделили ответственный, не самый лёгкий. Нашей бригаде поручили обеспечить так называемый нулевой цикл, сиречь фундамент с каркасом одного из производственных корпусов. Экскаватор вырыл глубокую траншею, в которую мы должны были поставить монолитные бетонные стаканы-быки, под бетонные несущие колонны.

Быки изготовлялись на месте. Проблема была в том, что температура воздуха часто опускалась ниже -30°C , а для правильного застывания бетона она не должна опускаться ниже $+4^{\circ}\text{C}$.

Останавливать любые плановые работы по погодным

условиям было запрещено. Как опытный строитель, мастер Фёдор распорядился соорудить теплицу. Использовали длинные доски и рейки, большие куски полиэтилена и железные уголки. Квадратную крышу теплицы, размером 8x8 м, сделали съёмной, с ушками для крепления тросов. В приготовленную опалубку залили специальный бетонный раствор, включили мощные калориферы и оставили на сутки застывать. Стужа стояла знатная, но все быки застыли идеально, теплица работала.

Утром начали установку первого быка. Сначала нужно было снять крышу. Мы закрепили стропы, отошли и громко закричали наверх: «Вира!» (древнее финикийское слово, означающее «наверх»). Крановщик Степаныч, уже опохмелившийся и сидевший в кабине башенного крана на высоте около 30 метров, был ещё и туг на ухо, часто путал "виру" с "майной", посему кричали хором, во всю глотку. Крыша дёрнулась и медленно поползла вверх. И тут случилось непредвиденное.

Сильный порыв ветра перекошил крышу. Сочетание аэродинамического профиля крыши, направления и силы ветра создали эффект воздушного змея. Крыша мощно и уверенно стала взмывать вверх, всё выше и выше. Мы стояли как замороженные, задрав головы, не в силах сдвинуться с места. А двигаться было необходимо и как можно быстрее. Постояв некоторое время в точке наивысшего подъёма, которую позволили натянувшиеся до предела тросы, крыша пошла вниз

с ускорением, прямо на нас. Наверное, такое же чувство испытывают люди, когда они видят падающий на них самолёт. Кто-то что-то кричал, но все понимали, что сбежать не успеем. Нас спасло чудо. Уверенно скользящая по кривой крыша в последний момент развернулась почти перпендикулярно и ударила по теплице, как ударяет землю заступ. Зрелище не для слабонервных. Страшный треск и визг металла заставил нас отпрыгнуть кто куда. Слава Богу, никто не пострадал.

Для меня же главное испытание было впереди. На следующий день после того как все быки были готовы, мы начали их установку в траншею. Вес быка – 9 тонн. Устанавливать нужно было по нивелиру, с максимально возможной точностью. Это было возможно только с участием человеческих рук, то есть висящий на стропах бык кто-то, находясь в траншее, корректировал, следуя указаниям геодезиста. Первым на это дело выпало идти мне.

Глубина траншеи с отвесными стенами была такова, что без посторонней помощи выбраться из неё было невозможно. Я стоял в ней, ожидая, когда Степаныч опустит бык до уровня моих рук, чтобы подвести его точно к намеченному месту посадки.

Дело это непростое, требует нескольких попыток. Бык то поднимался вверх, то опускался, следуя командам мастера Фёдора. Я тоже получал команды «вперёд-назад», "тяги-толкай". В какой-то момент бык неожиданно резко толкнул ме-

ня, я упал навзничь и увидел бык, спускающийся на меня с угрожающей скоростью. Нечеловеческие крики Фёдора и моих товарищей и бетонная махина, почти закрывшая мне дневной свет – этого момента я никогда не забуду. Две-три секунды отделяли меня от возможности разделить судьбу Павки Корчагина или даже геройски закончить свою молодую жизнь на боевом комсомольском посту.

Из траншеи меня вытянули общими усилиями, ноги мои меня не слушались. На сегодняшний день могу точно сказать, что, хотя в моей насыщенной событиями и опасностями жизни были потенциально смертельные для меня ситуации, всё же этот эпизод на ударной комсомольской стройке остался в моей памяти самым опасным. Это была чистейшая метафизика. Алкогольный бес, вселившийся в Степаныча, самый злой и самый безжалостный русский бес, держал мою молодую жизнь в своих когтистых лапах, но мой Ангел-Хранитель поразил его и спас меня в последнее мгновение.

Старый алкаш Степаныч даже не понял, из-за чего весь сыр-бор, наверное он к тому же и видел недостаточно хорошо, работал по интуиции. Вечером, в раздевалке, я щедро угостил товарищей чистейшим зоологическим хлебным спиртом, который лучше и чище даже медицинского, им меня снабжал мой приятель из Зоологического музея, где спирт использовался для изготовления препаратов, в огромных количествах. Степаныч что-то мычал нечленораздельно, вроде как извинялся, но раскаяния на его багровой мор-

де с застывшим тупым выражением я не увидел.

Быстро пролетел назначенный нам срок работы на стройке, к концу его во второй раз мы сподобились лицезреть комиссара комсомольского отряда, который объявил нам, что желающие продолжить работу на стройке такую возможность получают, нужно только подать заявление. Предложение для меня было заманчивое. Моему сыну было 4 года, работал я инженером с окладом в 125 рублей. При этом моей семье требовалось абсолютно всё, хозяйство начинали с нуля. Заработок на стройке почти в два раза превышал мой инженерский оклад и суммарно получался доход, который мог помочь нам быстро решить все проблемы. Но этому не суждено было сбыться.

Начальник штаба комсомольской стройки доверительно мне сообщил, что руководство Ленинградского обкома ВЛКСМ присмотрелось ко мне и решило предложить мне должность комиссара Парголового комсомольского строительного отряда с окладом мастера. От такого предложения отказаться было невозможно. Я был извещён, что высокое комсомольское начальство посетит меня в домашней обстановке, чтобы убедиться в правильности выбора, и окончательное решение будет принято после частного разговора со мной.

В силу нашего с супругой положения молодых специалистов при полном отсутствии посторонней помощи, мы приняли решение не платить за съёмное жильё, которое уже в те

годы было непомерно дорогим. Супруга устроилась комендантом общежития ЛПИ на Лесном проспекте, в том самом корпусе, где я жил первый год моего пребывания в Ленинграде. По правилам нам выделили для проживания две большие комнаты на первом этаже, плюс кабинет коменданта и кладовая. Условия шикарные, тем более всё это было бесплатно, включая телефон.

В назначенный день в наши скромные пенаты прибыли двое молодых, интеллигентных, хорошо одетых комсомольских начальников из Ленинградского обкома ВЛКСМ, с бутылкой хорошего вина и коробкой конфет. В ходе дружеской беседы они изложили условия, на которых мне предлагалась работа. Учитывая отечественные традиции, неторопливый ход работ на стройке Парголовского мясокомбината после завершения майского пленума ЦК КПСС должен был перерасти в настоящий аврал, чтобы кровь из носу сдать комбинат в сентябре текущего года. Если мне удастся наладить доверительные отношения с комсомольским коллективом стройки и комбинат будет сдан в срок, меня заберут в обком, инструктором (жирный оклад, квартира и перспектива быстрой карьеры).

Но есть условия. Первое: ту зарплату, которую я буду получать на стройке, я целиком передаю в неофициальную казну обкома. Второе: я вербую добровольцев на продление работы и в случае их заинтересованности взимаю с них определённую сумму с передачей в ту же казну.

Предложение было интересное, в особенности пункт немедленного получения квартиры в Ленинграде. В принципе я согласился, но поставил своё условие – предварительно переговорить с членами моего звена. За время работы на стройке мы сдружились, а я был воспитан так, что мнение друзей и товарищей в таких делах для меня было решающим, тем более без их участия у меня вряд ли что получилось бы. На том и порешили.

На следующее утро я вкратце рассказал ребятам суть предложения. Когда я закончил, в раздевалке воцарилась мрачная тишина. Все смотрели на меня с недоумением. Они не поверили, что такое возможно! В начале 1982 года обком ВЛКСМ ещё пользовался авторитетом, и мои товарищи заподозрили корыстную хитрость с моей стороны. Когда я это понял, то, естественно, немедленно отказался от заманчивого предложения, о чём и сообщил действующему комиссару отряда.

Сожалений по этому поводу не испытал. Уже в то время я интуитивно понимал и верил в то, что всё, что случается со мной в этой земной жизни, случается к лучшему.

Сегодня ясно, что я вряд ли прижился бы в обкоме ВЛКСМ образца 1982 года. Первым секретарём ленинградского обкома ВЛКСМ тогда была В.И.Матвиенко, ныне председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, а уже в 1983 году секретарём ленинградского обкома ВЛКСМ стал А.И.Бастрыкин, ныне пред-

седатель Следственного комитета Российской Федерации. В стране заваривалась большая каша, кипели политические страсти, а это никогда не было моей стихией и находиться в гуще событий мне было противопоказано.

Этот случай якобы упущенных возможностей был не первым в моей жизни. До него я уже в студенческие годы отказался пойти в примачи в семью адмирала одного из флотов СССР, а в 1980-м от подписания контракта на службу в Германии и в органах ленинградской милиции с немедленным получением жилплощади в центре города. Не моё это было. С моими данными и наличием диплома об окончании ЛГУ все дороги для меня были открыты. Известно, что помощь влиятельных людей или служба в мощной структуре это уже половина хорошей карьеры. Многие мои друзья таким образом быстро вышли в люди, например трое из них дослужились до полковников: один возглавил отдел ОБХСС в курортном южном городе, другой таможеню, третий стал депутатом ГД. Жили они, в отличие от меня, в прекрасных бытовых условиях и горя не знали.

Я выбрал другой путь и абсолютно всего добивался и зарабатывал сам, без чьей бы то ни было помощи. Было трудно и опасно, но очень интересно. Независимость и чувство собственного достоинства для меня всегда были важнее самых сладких и быстрых благ. По словам А.С.Пушкина: "Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает". Своим призванием я всегда считал и сейчас считаю

науку, изыскания и путешествия, выше всего ценю свободу выбора и самосовершенствование без давления посторонних сил.

Что касается Парголовского мясомбината, он был сдан в эксплуатацию досрочно, работает до сих пор, кормит народ столь излюбленной в нашем отечестве колбасой. Мы с супругой колбасу не едим, давно уже, лет двадцать, ибо следим за здоровьем.

Послесловие

Мои студенческие годы пришлись на период в истории СССР, известный под названием "Разрядка международной напряжённости". В те годы в мире сложилась достаточно стабильная биполярная политическая система: Восточный и Западный блоки, возглавляемые соответственно СССР и США, было достигнуто стратегическое равновесие, основанное на доктрине гарантированного взаимного уничтожения. Непримиимые враги Великой России затаились и притихли. В целом в обществе преобладало приподнятое настроение, былые строгости ослабевали, усиливались связи с Западом, как экономические, так и культурные.

В первый же мой год после выпуска из Университета ситуация начала меняться. 25 декабря 1979 года СССР ввёл в Афганистан ограниченный воинский контингент, а на следующий год Московская олимпиада показала, что началось очередное непримиримое противостояние России и коллективного Запада.

Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что 1981 год стал первым годом периода коренной ломки мирового порядка, существовавшего после Второй мировой войны. Именно в этом году проявились основные камни преткновения и мины замедленного действия, которые сработали в 2012-2022 годах, для большинства людей неожидан-

но. В Советском Союзе в 1981 году произошло великое множество очень важных для всех нас событий, как положительных, так и отрицательных, в том числе и трагических, причины и обстоятельства которых остались неизвестными для широкой публики. Началась подковёрная борьба сил созидания и разрушения. Употребление спиртных напитков в стране достигло максимума за всю историю Великой России. Эпоха стабильности и уверенности в завтрашнем дне подошла к концу. Смерть Л.И.Брежнева в следующем, 1982 году, только подвела черту, зафиксировала свершившийся факт. Многие люди уже понимали, что коммунизм это утопия, идеологию необходимо скорректировать. В стране началась перестройка, поначалу скрытно, завуалированно.

В 1972 году Советский союз внешне выглядел монолитным, несокрушимым образованием. Его мировое влияние и военно-политическое могущество уверенно росли и достигли своего пика в 1975 году, после великой победы во Вьетнаме. Чтобы успешно управлять такой сверхдержавой, во всё больших количествах требовались сверхлюди, которых в наличии не оказалось.

Русский философ Иван Александрович Ильин писал: «... Политика требует отбора лучших людей, – прозорливых, ответственных, несущих служение, талантливых организаторов, опытных объединителей. Каждое государство призвано к отбору лучших людей. Народ, которому такой отбор не удаётся, идет навстречу смутам и бедствиям".

Правящая партия Советского Союза, она же единственная – КПСС – в 1972 году насчитывала в своих рядах 14109432 человека, более четырнадцати миллионов по определению самых активных, честных, преданных власти людей, определяющая сила для страны с населением около 250 миллионов человек. Но настоящих лидеров, способных и дальше укреплять и развивать идею строительства коммунизма, вдохновлять ею народ великой страны, уже не было, а умных, образованных людей, государственников и патриотов Великой России правящая верхушка не жаловала.

К сожалению, даже после отмены руководящей роли КПСС в марте 1990 года, процесс разложения госаппарата не был остановлен. В результате политический смерч 1991 года разметал «союз нерушимый республик свободных», и под давлением внешних сил началась реставрация многих дореволюционных порядков и введение дикого капитализма с фрагментами феодализма. Воровская "прихватизация" застала врасплох честных людей. Правящая коммунистическая партия, гордо именовавшая себя авангардом рабочего класса, в критический момент истории страны слиняла, исчезла, "яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня". Ни один деятель, из числа позиционировавших себя лидерами, учителями и наставниками простого народа, не пришёл на помощь растерявшимся, обманутым агрессивной пропагандой рабочим и колхозникам. Многие из бывших партийных руководителей активно участвовали в разворовывании об-

ценародного достояния, по русской поговорке: «Народ что корова, кто ни пройдёт – подоит».

Тупой эгоизм, двуличность, узость мышления, косность и коррупция развели систему управления великой страной. Идеологический тупик и безмозглое политиканство породили систему запретов, которые стали серьёзным тормозом в развитии науки.

С этим я столкнулся на пятом курсе университета. На нашей кафедре работали всего два доктора наук: заведующий кафедрой Юрий Сергеевич Толчельников и мой научный руководитель Василий Васильевич Кузнецов. Это были учёные следующего поколения, нацеленные на Будущее, они разрабатывали дистанционные методы изучения природных объектов, включая аэрокосмические и методы обработки полученной информации с использованием электронно-вычислительных машин (ЭВМ), первых советских компьютеров.

Под их руководством я занимался научными разработками, которые для естественных наук того времени были принципиально новыми, необычными. Моя дипломная работа была посвящена цифровой обработке данных лабораторных анализов с применением ЭВМ. Работа была успешно защищена, опубликована в университетском научном сборнике и вызвала переполох среди той части преподавательского состава, которая была ещё не готова к переходу в 21 век.

В те годы контроль за учёными осуществляли партий-

ные организации, представленные на низовом уровне «ячейками». На нашей кафедре такую ячейку возглавлял парт-орг Цыплёнков, ничем не примечательный человек, обуреваемый мечтой любой ценой стать профессором. Ячейка будоражила женскую часть преподавательского состава, склонную к интригам. Совместными усилиями они всячески осложняли жизнь моих руководителей.

Когда на меня пришла персональная заявка из Министерства высшего образования СССР с указанием распределить меня на должность младшего научного сотрудника на кафедре, поднялась буря в стакане воды, ведь с моим появлением на кафедре партия «кибернетиков», как нас именовали, усилилась бы.

Заговорщики разработали план перехвата и недопущения меня в советскую науку. Поскольку никаких законных оснований для этого не было (учился я хорошо и, помимо всего прочего, был председателем студенческого научного общества факультета), они сфабриковали анонимку на имя секретаря партийной организации, в которой утверждалось, что я, якобы, находясь в заграничной поездке в ГДР, вёл себя недостойно. На тот момент я ещё никогда не пересекал границу СССР и даже не мечтал об этом, но партийная организация проверками себя не утруждала. Мои просьбы выслушать меня и объяснить мне что происходит, на партийном собрании встретили с ухмылками и оскорбительными ремарками, прямым текстом: «Кибернетики нам не нужны».

Се была их година и область тёмная. До отмены 6-й статьи брежневской Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС оставалось 11 лет.

В итоге, на следующий год, моих научных руководителей, не мытьём так катанием, тоже сожрали, что отбросило общий уровень научного развития кафедры в целом как минимум лет на десять назад. Заведующим кафедрой, естественно, стал парторг-профессор В.П.Цыплёнков, который усидел в этом кресле до 1992 года.

В августе 1991 года, в статусе народного депутата Всеволожского горсовета, я сидел в бывшем кабинете первого секретаря Всеволожского горкома КПСС, в его кресле и держал в руках некогда священную реликвию – Большую горкомовскую печать. Деятельность КПСС была приостановлена на территории России 23 августа 1991 года, её имущество конфисковано, здания партийных организаций опечатаны. Власть на местах и всё партийное имущество перешли к органам местного самоуправления. Вот так исполняется всяческая правда.

В качестве приглашённого научного руководителя, через 15 лет после описываемых событий, я присутствовал на защите дипломов выпускников родной кафедры, и с горечью убедился, что прорыв в 21 век там так и не состоялся. Как это, к сожалению, часто бывает в научных коллективах, посредственности объединились и не дали дорогу талантливым учёным.

Какой-то личной трагедии во всём этом тогда, в 1979-м, я не увидел, но несправедливость, подлость и откровенный произвол задели за живое. Мне было всего 23 года, и я ещё не привык к цинизму и лицемерию.

Как гласит древняя народная мудрость, когда одна дверь закрывается, немедленно открывается другая. На университетской комиссии по распределению мне предложили довольно интересные варианты – города Владимир и Смоленск, перспективная работа с жилой площадью. Но расстаться с Ленинградом я не хотел, взял свободное распределение.

Найти работу для меня большого труда не составило, никаких мучительных поисков и раздумий не было. Как будто бы какая-то невидимая сила вела меня за руку. Я просто пошёл от Невского проспекта вверх по Литейному проспекту и увидел слева серое неприметное здание с вывеской «Северо-Западный государственный проектно-изыскательский институт по землеустройству "Севзапгипрозем"». Зашёл, поговорил с генеральным директором Дедовым В.В., который оказался интеллигентным, умным человеком. На следующий день я уже знакомился с моими коллегами на Исаакиевской площади. Этот выбор дальнейшего жизненного пути был для меня третьим по счёту после окончания школы, и он оказался правильным.

Таким стало начало моей по-настоящему самостоятельной жизни, когда я вышел из глубокой колеи последователь-

ного, длительного обучения под опекой старших товарищей, обучения нацеленного на подготовку к высококвалифицированной работе специалиста широкого профиля, с возможностью ничем не ограниченной карьеры. С того дня я начал полностью отвечать за себя и мою семью. Научой заниматься не прекратил, проводил исследования под крылом Русского Географического Общества.

Довелось много путешествовать по различным странам, городам и весям, многому научился, многое понял. Прав был римский философ Сенека – жизнь есть прежде всего одно большое путешествие, обилие информации, новых переживаний, открытий. Нынешняя моя жизнь совсем другая, чем в юности, спокойная, обеспеченная, осмысленная. Наш общий мир я воспринимаю как органическое целое и признаю ценность и равночестность всех его составляющих частей.

Но, как "птенец гнезда Петрова", я ни на минуту не забываю, что «Под небом голубым есть город золотой», город белых ночей, который сделал меня таким какой я есть, город, откуда начались мои странствования в поисках полноты жизни и самосовершенствования личности.

* * *

Разбросано много

Дорога в дорогу

По миру стран всяких вокруг...

Но все эти страны

Так чужды и странны

Вдали от тебя, Петербург!

(Николай Агнивцев).